

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

О проблемах ювенальной юстиции

*Материалы круглого стола
(5 октября 2011 г.)*

Москва
Научный эксперт
2011

УДК 347.63-055.62

ББК 67.404.532

О-11

О-11 О проблемах ювенальной юстиции. Материалы круглого стола. — М.: Научный эксперт, 2011. — 120 с.

ISBN 978-5-91290-117-1

В ходе заседания круглого стола рассмотрены актуальные проблемы внедрения элементов ювенальной юстиции в России. Профессиональные эксперты, ученые, среди которых были как сторонники, так и противники ювенальной юстиции, подвергли ситуацию глубокому всестороннему анализу. Конструктивная дискуссия выявила нетривиальные подходы к сложной и неоднозначной теме ювенальной юстиции.

Сборник материалов круглого стола адресован всем заинтересованным специалистам, общественным организациям и неравнодушным гражданам.

УДК 347.63-055.62

ББК 67.404.532

ISBN 978-5-91290-117-1

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2011

Содержание

<i>С.С. Сулакшин.</i> Вступительное слово.....	6
Доклады	
<i>А.С. Автономов.</i> Проблемные вопросы внедрения ювенальной юстиции в России.....	14
<i>Е.М. Тимошина.</i> Правовой анализ целесообразности внедрения ювенальной юстиции в России.....	20
Вопросы к докладчикам и ответы	42
Выступления	
<i>Е.Г. Дозорцева.</i> Адаптация ювенальных технологий к российским условиям.....	64
<i>И.В. Понкин.</i> Необходимые меры по повышению защищенности семей от чиновничьего произвола.....	67
<i>Т.Л. Шишова.</i> Чьи права защищает ювенальная система?.....	71
<i>Ю.С. Шевченко.</i> Проблема ювенальной юстиции с точки зрения детского психиатра.....	75
<i>И.Н. Гаврилова.</i> Введение ювенальной юстиции — неизбежный выбор цивилизованного государства.....	77
<i>А.Н. Титушкин.</i> Необходимо оградить семью от чрезмерного контроля со стороны государства и неправительственных организаций.....	80
<i>А.И. Хвыля-Олинтер.</i> Оценка проекта «Ювенальная юстиция» (почти по Маяковскому).....	83
<i>В.Е. Хомяков.</i> Внедрение ювенальных технологий — путь к социальной дестабилизации.....	89
<i>Л.О. Павлова.</i> Разрушительные механизмы ювенальной юстиции.....	93
<i>Е.А. Иванов.</i> Опыт работы комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Ногинского муниципального района Московской области по внедрению технологий ювенальной юстиции.....	97
<i>В.Н. Лексин.</i> Взрослые и дети: конфликт прав и ответственности.....	100
Заключительное слово	111
Участники круглого стола	119

Заседание круглого стола

Ведущий круглого стола С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

«О проблемах ювенальной юстиции»

Вступительное слово

С.С. Сулакшин

В ходе научной дискуссии ученых и экспертов, занимающих принципиально противоположные позиции по обсуждаемому вопросу, иногда не все можно расслышать в аргументационной платформе оппонента. Иногда различны весовые коэффициенты в ценностных рядах, выступающих критерием для поиска истины и выработки конечной позиции. Их необходимо сопоставлять и находить точки соприкосновения, поскольку все, конечно, заинтересованы в поиске баланса интересов. Исходить при этом нужно из уважения общепризнанных ценностей — традиционных или относительно новых — с тем чтобы развитие шло органично, а не конфронтационным образом. Эта позиция, очевидно, в своей основе разделяется всеми.

Предметом сегодняшнего круглого стола является вроде бы знакомое словосочетание «ювенальная юстиция».

В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования осуществляется исследование, посвященное ювенальной юстиции, целью которого является анализ сущностного, правового, политического и скрытого содержания категории «ювенальная юстиция», целей, механизмов и возможных последствий ее внедрения в России. А также анализ общественного явления в России последних лет, обозначаемого как «ювенальная юстиция»

Целями сегодняшней интеллектуальной работы видится проникновение в смыслы, нащупывание точек столкновения и потенциалов сближения разных позиций, выработка консенсусного представления, которое будет оформлено в виде интеллектуального продукта — сборника материалов круглого стола. Более того, часто такого рода усилия завершаются разработкой правотворческих предложений разного уровня. Это тоже не исключается. Адресуемся мы, конечно, как к об-

щественным, так и ко властно-управленческим структурам. Очень важно иметь в виду, что просвещенное в ценностном отношении общественное сознание тоже очень важный предмет адресации таких усилий.

На повестке сегодня следующие вопросы, вокруг которых, я надеюсь, будет строиться дискуссия:

1. Смысловое наполнение и употребление категории «ювенальная юстиция».
2. Механизмы функционирования системы ювенальной юстиции: в чем конкретно заключаются ювенальные технологии, какие последствия вызывает правоприменительная практика в этой области.
3. Декларированные и скрытые цели разработчиков проекта введения ювенальной юстиции в России. Введение ювенальной юстиции в контексте общих тенденций развития постсоветской России.
4. Возможные последствия внедрения ювенальной юстиции в России.
5. Проблемы нормативно-правовых основ функционирования правосудия в отношении несовершеннолетних в России.

Существуют объективные вызовы развития, связанные с системой правоохраны, с системой правосудия, с системой профилактики подростковой, юношеской и детской преступности и правонарушений. Ювенальная юстиция входит как подсистема в правоохранительную и судебную систему государства, но также тесно соприкасается с такими важнейшими сферами деятельности государства, как государственная молодежная политика; государственная политика в отношении семьи; государственная демографическая политика; государственная политика воспитания и социализации личности; государственная политика в сфере образования. Мы понимаем, что предмет является комплексным, очень разноплановым.

Ювенальную юстицию, таким образом, часто понимают в узком смысле, что характерно для высоких профессиона-

лов юриспруденции, а часто понимают и в широком смысле, который я только начал обозначать, не исчерпав все области жизни общества и государственной ответственности. И эти два понятия конфликтуют, потому что юрист, правовец вправе спросить: «При чем тут ваше образование?», или «При чем тут уличная реклама?», или «При чем тут СМИ, нравственная цензура?» и т. д. Но ведь каждому понятно, что если мы ведем речь о здоровье не только физическом, но и ментальном, гражданственном, о жизнях наших детей, то не видеть контекст было бы не вполне правильно.

С другой стороны, наблюдая этот контекст, наверное, было бы более правильно отчетливо оконтурить те самодостаточные сферы государственного регулирования и нормативно-правового строительства, чтобы видеть границы и взаимодействия. Это тоже одна из задач проникновения в проблематику.

Довольно очевидно, что эта тема затрагивает фундаментальные, базовые основания жизни человеческих сообществ, истории развития. Очень простая иллюстрация совершенно различного представления иерархичного и ценностно обустроенного семейного института в традиционном прочтении, в котором, как правило, мировые религии этот институт себе представляют как культурно-ценностный институт страны и семьи в некотором современном «модернизационном» смысле, который несколько условно, но можно обозначить как «ювенальный» концепт семьи (рис. 1).

Очевидно, что разница существенна, и это тоже один из элементов, формирующих дискурс.

Очень важна тема санкций в этом обсуждении, потому что совершенно понятно, что не может быть очеловеченности и социализированности поведения без санкционной компоненты как внутри гражданской ячейки, семьи, так и внутри государственных или общественно-опосредованных ячеек.

Две цитаты иллюстрируют подходы к вопросу наказания в традиционной и так называемой «ювенальной» семье.

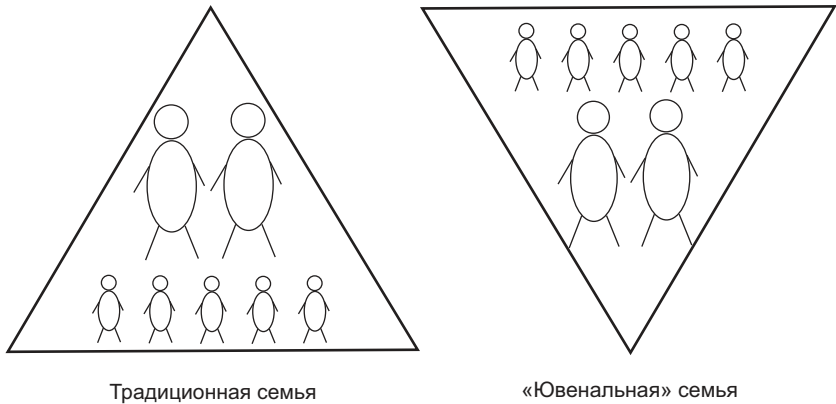

Рис. 1. Модели отношений между родителями и детьми в семье

«Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает... Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?»

(Библия)

Запрещено «любое наказание с применением физической силы и намерением причинить наказуемому физическую боль любой степени интенсивности или же неудобство (в том числе вынуждение ребенка сохранять продолжительное время неудобную позу), даже если оно незначительно».

(Рекомендации Совета Европы «Искоренение телесных наказаний для детей»)

И опять существенная разница между традиционным прочтением в ценностных пространствах санкционной тематики и прочтением в инновационном подходе, который часто в узком смысле приписывается стремлению внедрить определенную систему ювенальной юстиции в современных обществах и государствах.

Само понятие, как я уже сказал, требует универсализации и специализации, при осознании различия в функциональной нагруженности этих подходов.

Нельзя замыкаться только на первом или втором подходе, потому что это порождает достаточно деструктивную и, в общем-то, не особенно плодотворную дискуссию. В мире существует опыт внедрения такого рода инновационных институций, есть уже фактология и статистика, которые справедливо порождают тревоги, указывают нам на наличие некоторых рисков. Наиболее общепризнанными среди них являются:

- разрушение семьи;
- падение рождаемости;
- рост отчуждения подростков и подростковой преступности;
- ускорение духовно-нравственной деградации молодежи.

А вот здесь возникает довольно забавная ситуация. Все эти базовые риски достаточно очевидны — формулировки взяты из риторики публичных дискуссий. Но два последних риска сохраняются и в прямо противоположной ситуации: если ничего не делать, не обращать внимания на современные постмодернистские процессы разложения семьи, традиционных иерархических и общественных структур, ценностных рядов, общество столкнется с теми же проблемами.

Очень важно, что понимание ценностных установлений и целеполагания, понимание реальных рисков подобного рода масштабных процессов общественно-государственного строительства одновременно должно подводить нас к пониманию, что в человеческой практике активному государственному строительству, управлению и общественному проявлению доступны изменения как в позитивную критерильную сторону развития, так и в негативную.

Приведу две иллюстрации на эту тему. Иллюстрация негативная — это так называемый коэффициент витальности России (рис. 2).

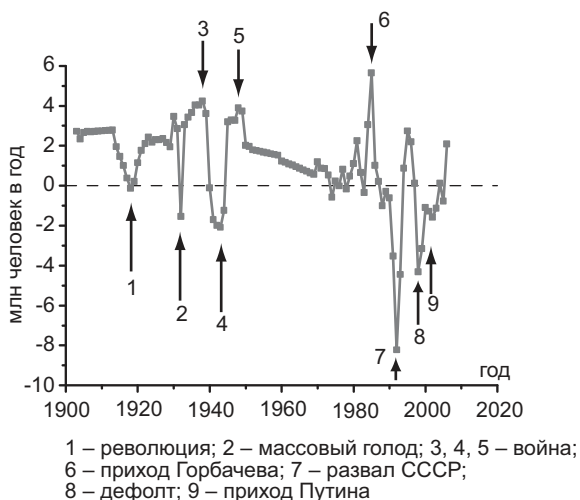

Рис. 2. Коэффициент витальности России

Коэффициент витальности отражает, в совокупности, рождаемость, смертность, ожидаемую продолжительность жизни, сальдо миграции. Этот коэффициент рассчитывается нашим Центром. Когда значение коэффициента положительно, население прирастает. Когда эта величина имеет знак минус, население страны убывает. На графике отчетливо виден эффект распада страны (1917, 1991), очевиден эффект дефолта (1998), эффект перестройки (1986–1991) — как ментальный эффект, а не просто реакция на введение сухого закона. Важнее другое — существует всем известный тренд депопуляции страны. На самом деле ничего удивительного в этом нет. В этот период (1993–2000) бюджетные средства государства, общественные усилия Российской ассоциации планирования семьи шли на то, чтобы сокращать в стране рождаемость. Она и сокращалась.

В этой же плоскости можно рассматривать и проблему усыновления. По сути это гуманитарная проблема, и то, что несчастные дети, отягощенные болезнями, попадают в семьи, является бесспорной общественной ценностью. Однако я, имея

официальные полномочия, исследовал систему усыновления в 1990-е гг. и утверждаю, что это был очень быстро растущий бизнес, приносящий реальные заработки (рис. 3).

Рис. 3. Усыновление российских детей иностранными и российскими гражданами

Кроме того, о чем тоже следует сказать, эта проблема шире, чем просто проблема усыновления: с точки зрения национальных интересов это экспорт генофонда страны. Обращаю внимание на важнейшую точку — в районе 2004–2005 гг. Кривая поменялась, но одновременно поменялась и кривая усыновления внутри страны. Почему? А потому, что было принято решение, потому, что общество сказало свое слово, потому, что парламентский корпус, высшие политические институты проявили волю, и процесс поменял направление. Значит, управлять этим возможно, и это одна из целей сегодняшней встречи и разговора. Это иллюстрация, привносящая оптимизм в наши усилия, потому что согласованное целеполагание, опирающееся на ценностные критерии выбора решений, позволяет найти пути решения этих проблем. А обретение пути означает уже переход к активной практике, которая дает результаты.

Приведу последнюю иллюстрацию, которая касается основного предмета — ювенальной юстиции (рис. 4).

Источник: Стат. сборник «Преступность несовершеннолетних в республиках бывшего СССР»; Федеральная служба государственной статистики

Рис. 4. Динамика преступности несовершеннолетних в СССР и России

Обращаю внимание на очевидные корреспонденции: на графике отчетливо видно, как отражается на жизни нашего общества переход к демократии, очень желанный, но отягощенный таким вот эффектом резкого роста преступности несовершеннолетних. Также заметен эффект распада страны, дефолта, монетизации льгот. Вместе с тем налицо очень благотворный тренд, отражающий иммунные социально-политические особенности социума. Отсюда мы видим, что решения, которые принимает власть под давлением общества или при его безучастном молчании, сказываются, в том числе, не только на здоровье, но и на жизни наших детей, как, впрочем, и взрослого населения.

Это и составляет ту меру ответственности в поиске решений сложнейшей многоплановой задачи, которую я сформулировал просто: «главное — не навреди». Мы сегодня ищем не победителей, а истину.

Проблемные вопросы внедрения ювенальной юстиции в России

А.С. Автономов, доктор юридических наук

Мне хотелось бы осветить несколько вопросов, вынесенных на обсуждение.

Итак, первый вопрос: цели внедрения ювенальной юстиции в России. Пока ее внедрение еще не осуществляется, а только обсуждается, поэтому сейчас можно говорить лишь о целях тех, кто выступает за ее внедрение. Эти цели заданы той катастрофической ситуацией с детским вопросом, о которой мы здесь уже слышали. Но прежде хочу сказать, что хотя я и юрист, однако не ограничиваюсь исключительно юридическими вопросами ювенальной юстиции, потому что для меня совершенно очевидна необходимость комплексного подхода к обсуждаемым вопросам. Именно поэтому когда мы говорим о внедрении специализированных судов, мы всегда добавляем, что это невозможно сделать без специалистов по социальной работе, т. е. без тех людей, которые работают с конкретными детьми. Как раз в этом плане я рассматриваю ювенальную юстицию, причем достаточно широко трактую ее. Это не только те органы, которые карают, но и те, которые должны не допустить ситуаций, ведущих к совершению правонарушений и суду, в том числе государственные органы и органы местного самоуправления, а также организации, которые не относятся к государственным, но по своему назначению, задачам, миссии работают с детьми. Перспектива, может быть, даже более важна, чем судебное решение той или иной проблемы.

В ходе обсуждения ювенальной юстиции постоянно возникает вопрос: что есть право ребенка? Есть ли отдельное

право ребенка? На мой взгляд, есть. Если мы считаем, что каждый ребенок должен жить в семье, значит, возникает право ребенка на семью. Не всегда это право легко реализуемо. Однако если мы говорим, что у ребенка нет никаких прав, следовательно, нет и этого права на семью, что означает, в свою очередь, что его можно отбирать у родителей, семью можно разрушать и т. д. Всякий педагог, который работал с детьми в школе, прекрасно понимает, что если хочешь работать с ребенком — работай с семьей. В семье, не нацеленной на воспитание достойного человека, не могут вырасти достойные дети. Дети в подавляющем большинстве копируют взрослых, в том числе их представления о жизни. Все недостатки и все достоинства в детях закладываются родителями. Именно поэтому я, как сторонник ювенальной юстиции, всегда выступал за расформирование традиционных детских домов. Детские дома семейного типа намного лучше. Желательно, чтобы каждый ребенок считал, что у него есть родители. В этом, кстати, расхождение нашей точки зрения с господствующим на Западе мнением о том, что после усыновления или удочерения ребенка ему, независимо от возраста, обязательно надо рассказать, что он усыновлен. В России, если ребенок усыновляется в раннем возрасте, люди нередко даже меняют место жительства, стремясь скрыть от окружающих этот факт, чтобы они воспринимали ребенка как родного для этой семьи, без всяких изъяснений. Это действительно очень важный психологический момент.

Вопрос о семье существует. Одна из целей ювенальной юстиции — это решение проблем, с которыми сталкивается сегодняшняя семья. Семья меняется с ходом истории. Семьи отличаются друг от друга и по количеству детей, и по способам их воспитания, и по многим другим показателям. Городские семьи отличаются от сельских, ранее крестьянские отличались от дворянских, при всех общих ценностях. Поэтому сказать, что у нас все было одинаковым и никогда ничего не менялось, было бы крайне самонадеянным.

О субъектах интересов. Кто выступает за внедрение ювенальной юстиции? Я не берусь говорить обо всех, но по моему опыту, это, например, судьи, которые сталкиваются с проблемами насилия в семье, с проблемами детской преступности. Преступность в России, в общем-то, помолодела, и хотя есть общая тенденция к ее снижению, нельзя сказать, что у нас нет детей, совершающих преступления. Трудность тут еще в том, что с точки зрения уголовного закона, пока не наступает возраст уголовной ответственности, их действия не являются преступлениями. Но сами по себе деяния ведь остаются преступными. И здесь возникает масса вопросов. Иногда детей учат весьма цинично использовать свой возраст, в особенности это относится к наркоторговцам, которые говорят, что из-за возраста наказания детям не будет. Эти проблемы не могут нас не волновать. К сожалению, ребенок, который растет в определенных условиях, он все воспринимает как нечто должное, что именно так, а не иначе и надо поступать. Дальше, когда он вырастает, переубедить его в обратном практически невозможно. Это большая проблема. Поэтому с ребенком надо работать, как надо работать с семьей; иногда бывает так, что с семьей работать уже поздно, хотя я знаю, что какие бы запущенные семьи не были, многие дети в колониях и спецучреждениях думают о возвращении домой, думают о том, что они привезут маме в подарок. Это также важный аспект. Поэтому еще раз говорю, что для меня ювенальная юстиция неразрывна с работой с семьей.

Вопрос о зарубежной практике функционирования ювенальной системы. Эта практика совершенно различна в разных странах, не всегда она применима к нам. Так или иначе, есть и судебные органы, есть, как в Шотландии например, и система, которая строится не на судебных органах, а на административных. Некоторые «ортодоксальные» юристы вообще считают, что их систему нельзя относить к ювенальной юстиции, поскольку не суды занимаются делами детей. С другой стороны, у меня всегда возникает вопрос: а надо ли

любого ребенка тащить в суд? Тем более в суд, не предназначенный для детей. Есть японская система, есть французская и т. д. Иногда ювенальная система за рубежом понимается узко — как работа с теми, кто оступился. Я рассматриваю это шире, для меня в систему ювенальной юстиции попадает всякий ребенок, находящийся в ситуации опасности, т. е. в разлагающейся семье, в семье, из которой он убегает, где он боится находиться. Это большая проблема, и ее надо решать.

Далее, о соответствии принципов ювенальной юстиции традиционным ценностным принципам функционирования института семьи в России. Вообще-то ювенальная юстиция во всем мире складывается на основе традиционных принципов, хотя они тоже подвергаются трансформации. Одна из наиболее успешных систем — это японская. Она построена на традиционной для Японии системе воспитания и т. д. Те, которых перевоспитывают, тоже перевоспитываются традиционными методами, с семьей так же работают. Там же, где пытаются порвать такие связи, все это работает гораздо хуже.

Говорят, что у нас общество никогда не вмешивалось в дела семьи, но из истории моей собственной семьи я знаю, что раньше, например, соседи очень интересовались тем, как происходит воспитание детей, достаточно ли строги родители. С другой стороны, скажем, насилие в семье уже давно не поощряется в нашем обществе. Мы вспоминаем XVIII в., когда телесные наказания были предусмотрены не только для детей, но и для взрослых, как в фильме «Сказ о том, как царь Петр арапа женил». На сегодняшний день в России считается, что телесные наказания — не лучший путь решения проблем. Значит, и мы наши взгляды как-то меняем. Любое воспитание можно построить разными способами — сочетанием стимулов и наказаний. Какие это будут наказания — это другой вопрос. Это вопрос и для семьи, и для школы. Сама по себе система оценок уже предполагает наказание. Поэтому здесь нельзя однозначно от чего-то отказаться или что-то поддерживать.

Надо просто смотреть, как мы должны отвечать на те вызовы, которые перед нами ставит современность, и опираться при этом на традицию. Мы все равно совершенствуем нашу жизнь: на то мы и имеем разум, на то мы и имеем представления о традициях и о том, как нам нашу жизнь улучшить. Даже те провалы и подъемы численности населения, которые были представлены сегодня в докладе С.С. Сулакшина, странным образом совпадают с некоторыми моментами по внедрению или, наоборот, ликвидации ювенальной юстиции или ее элементов. 1910 г. — создание первых ювенальных судов в России, потом 1920-е гг. — создание Комиссии по делам несовершеннолетних, когда были полностью декриминализованы все деяния лиц моложе 17 лет. Потом 1934 г. — ликвидация Комиссии по делам несовершеннолетних, в том числе отделений судов по делам несовершеннолетних. Самое интересное, что их тайком пытались сохранять, еще в 1940-е гг. такие примеры были. Но с этим боролись. В начале 1960-х гг. — возвращение специализации в судах. Это известное решение Пленума ЦК КПСС 1961 г. о специализации в судах, которая с тех пор действовала почти до начала 1990-х гг. Затем все прежде существовавшее было признано негодным. Специализация осталась, но это была уже не та специализация, которая существовала в 1960–1980-е гг., когда судей приглашали в школы, когда они действительно работали с педагогами, с социальными работниками и т. д.

Кто сейчас внедряет ювенальную юстицию? С одной стороны, это неправительственные организации, их довольно-таки много. С другой стороны, это сами судьи в отдельных регионах, и таких регионов тоже уже много. Хотя практика внедрения у нас такая пестрая, что на сегодняшний день меня это начинает даже беспокоить. Потому что когда что-то слишком долго проходит стадию эксперимента, правоприменительная практика становится слишком многообразной и иногда противоречивой. Добиться единообразия впоследствии будет трудно. Но если ювенальная юстиция не будет

внедрена, то тоже ничего хорошего из этого не получится. Здесь возникает много вопросов, не могу сказать, что я полностью удовлетворен всем, что у нас происходит. Но поэтому все и делается для того, чтобы найти верный ответ. Ведь ребенок — это человек в состоянии социализации, к нему нужен особый подход. Об этом говорится еще с XIX в.

Прогноз возможных последствий внедрения ювенальной юстиции в России зависит от того, в каком виде она будет внедрена. Если это будет просто специализация судей, как сейчас, то вряд ли мы придем к чему-то позитивному, но если мы действительно будем внедрять ювенальную юстицию комплексно, исходя из того, что главное — это не допустить ребенка в суд, решить проблемы на стадии их зарождения — вот тогда, возможно, результаты будут действительно хорошими.

В завершении хотелось бы сказать, что не ювенальная юстиция разрушает нашу семью, а те новации, которые принесла с собой жизнь. Жизнь поменялась в последние годы существенно. В новых условиях нам нужны новые подходы, новые методы решения этих проблем. И еще хотел бы добавить, что так пугаться иностранного опыта не стоит. К нам и христианство пришло из Византии, если вспомнить. При этом наши предки сумели отделить свои интересы от интересов Византии (там тоже миссионеры пытались решать свои проблемы в ущерб нашим интересам, в принципе, это происходит всегда и везде, какие бы благовидные цели не заявлялись), так почему же сейчас мы не можем поступить так же разумно. Почему не использовать на благо своей страны лучшее из имеющегося богатого мирового опыта, не копируя его при этом слепо.

Правовой анализ целесообразности внедрения ювенальной юстиции в России

Е.М. Тимошина, кандидат юридических наук

Обсуждая какую-либо тему, необходимо прежде всего определиться с понятием того, что мы обсуждаем.

Под ювенальной юстицией обычно понимают правосудие в отношении несовершеннолетних. В действительности ювенальная юстиция — это разработанная за рубежом целая система правоотношений в области защиты прав детей. Помимо ювенальных судов, согласно концепции введения ювенальной юстиции в Российской Федерации, «под системой ювенальной юстиции понимается совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка (несовершеннолетнего)»¹.

Как следует из Заключения Общественной палаты Российской Федерации, ювенальные суды — лишь основа создания и развития ювенальной юстиции, *«задачи которой гораздо более широкие, чем формирование альтернативных форм наказания несовершеннолетнего преступника или правонарушителя... Ювенальная юстиция — это правовой инструмент решения различных проблем детства в стране... ювенальная юстиция станет важным базисным элементом построения всей системы взаимоотношений ребенка и обще-*

¹ Зыков О. Краткое изложение концепции введения ювенальной юстиции в Российской Федерации // <<http://detirossii.ru/conf2003/7216.php>>.

ства в ситуации, когда этот ребенок нуждается в защите, вне зависимости от того, совершил он преступление (правонарушение), или нет»².

Альтернативой ювенальной юстиции в России является существующая система защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, основанная на конституционных принципах защиты детства. Некоторые не видят разницы между ювенальной юстицией и системой органов, защищающих права детей в Российской Федерации, что является неверным пониманием сути этих явлений. Это отчасти происходит оттого, что в нашей стране органы, защищающие права детей, не объединены единым названием и не находятся в составе одного ведомства. Но такая система имеет смысл, поскольку обеспечивает независимость указанных органов и способствует определенному взаимному контролю над деятельностью каждого из них.

Права детей в России сегодня защищаются большим числом государственных органов и общественных организаций. К ним относятся: аппарат уполномоченного по правам ребенка, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, суды, прокуратура, Министерство внутренних дел, Федеральная служба исполнения наказаний, Министерство образования, Министерство здравоохранения и социального развития, различные комитеты, общественные правозащитные организации и др.

Таким образом, в России существует *система защиты прав детей*, назначение которой не отличается от назначения ювенальной юстиции. Разница между этими системами усматривается в принципах и механизмах их работы, а также в понимании прав детей и объема этих прав.

² Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 38948-3 «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” в части создания ювенальных судов».

Ювенальная юстиция преподносится российскому обществу как нечто новаторское, олицетворяющее собой «прогрессивное» понимание прав детей и способов их защиты. Однако мы полагаем, что это не так.

Что касается либерального подхода ювенальной юстиции к несовершеннолетним преступникам, то существующая российская система во многом занимает такую же позицию в выработанных законодательством и правоприменительной практикой пределах.

Анализ отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о существовании **особого подхода к судопроизводству в отношении несовершеннолетних в России**. Так, на основании ст. 420 УПК РФ: «производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке... с изъятиями, предусмотренными настоящей главой». Именно упомянутые здесь изъятия обеспечивают индивидуальный и более мягкий подход к детям. Таким образом, в нашей стране применяются особые условия проведения в отношении несовершеннолетних таких уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных действий, как: предварительное расследование, рассмотрение дел в суде, привлечение к уголовной ответственности, назначение и исполнение наказания (глава 50 УПК РФ, глава 14 УК РФ).

Кроме обозначенных требований, содержащихся в законе и определяющих особые условия проведения в отношении несовершеннолетних уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных действий, забота и внимание государства к несовершеннолетним проявляются также в том, что дела в отношении несовершеннолетних на стадии предварительного расследования, как правило, передаются наиболее опытному следователю, имеющему высокую квалификацию. В нашей стране крайне редко несовершеннолетнему преступнику, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, избирается мера пресечения в виде за-

ключения под стражу: более половины несовершеннолетних освобождается от уголовной ответственности уже на стадии предварительного следствия.

Несмотря на отсутствие специализированных судов для несовершеннолетних (так называемых ювенальных), на практике все судьи, наряду с основной деятельностью, имеют и свою условную специализацию, и в суде дела в отношении несовершеннолетних всегда отдаются одному и тому же судье, который имеет опыт работы с подростками. При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с обстоятельствами, подлежащим доказыванию, в обязательном порядке устанавливаются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (ст. 421 УПК РФ). Неисполнение данных правовых норм, призванных обеспечить индивидуальный подход к несовершеннолетним со стороны суда, свидетельствует лишь о необходимости увеличения численности судей и ужесточения их кадрового отбора, а вовсе не о потребности в создании ювенальных судов.

Что касается приоритетности мер воспитательного воздействия для несовершеннолетних правонарушителей, то и здесь российское законодательство не уступает странам, в которых практикуются ювенальные технологии.

Например, на основе концепции современного ювенального уголовного права ФРГ, сформулированной в Законе о суде по делам несовершеннолетних от 02 августа 1953 г., для несовершеннолетних предусмотрена четырехступенчатая система наказания³. В нее входят: воспитательные меры;

³ См.: Бибик О.Н. Цели применения наказания и иных мер уголовно-правового характера в ювенальном уголовном праве ФРГ // Материалы IV Российского конгресса уголовного права. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М.: Проспект, 2009. С. 630–633.

принудительные средства («воспитательные наказания»); меры исправления и меры обеспечения их безопасности (помещение в психиатрическую клинику, принудительное лечение от алкоголизма и наркомании, установление надзора за поведением, лишение права управлять автомобилем); наказание (лишение свободы).

Лишение свободы в ювенальном уголовном праве ФРГ рассматривается как крайняя мера, т. е. используется, если все прочие меры и средства оказались безуспешными или вследствие тяжести вины. Однако этот принцип закреплен и в российском уголовном праве. В России лишение свободы в иерархии видов уголовного наказания занимает также последнее место и применяется в отношении несовершеннолетних при наличии исключительных условий.

Либеральность отечественного уголовного судопроизводства в отношении указанной категории граждан находит свое выражение и в том, что при совершении несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести он может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (почти так же, как и в ювенальном уголовном праве ФРГ)⁴.

Схожими с установленными германской ювенальной доктриной выглядят принудительные меры воспитательного воздействия, назначаемые несовершеннолетнему по российскому уголовному законодательству. В их число входят: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего⁵.

⁴ УК РФ. Ст. 90. Ч. 1.

⁵ Там же. Ст. 90. Ч. 2.

Однако, по нашему мнению, отечественные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей нуждаются в совершенствовании, в дополнительной разработке. Несмотря на частоту применения принудительных мер воспитательного воздействия, их недостаточно, существует потребность расширить их перечень. Вполне очевидно, что на этапе назначения и исполнения мер воспитательного воздействия можно и даже необходимо привлекать специалистов в сфере педагогики и психологии, а также использовать специальные воспитательные и реабилитационные программы для несовершеннолетних, в большом количестве разработанные в России и применяемые в социальных центрах помощи для несовершеннолетних. **Однако это никакого отношения к ювенальной юстиции не имеет**, так как является частью деятельности системы профилактики преступности несовершеннолетних, которую необходимо совершенствовать.

Либеральность назначения наказаний несовершеннолетним в России проявляется и в том, что в течение последних нескольких лет доля приговоров с назначением несовершеннолетним лишения свободы условно не раз превышала 90%. Даже лица, совершившие изнасилования, в большинстве своем получают приговоры, не предусматривающие реальное лишение свободы⁶. Такое положение дел свидетельствует о небывалой снисходительности и либеральности судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Тем не менее реализация принятой в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года позволит еще более либерализовать данную систему. В числе прочего Концепция предполагает увеличение применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в том числе в отношении несовершеннолетних.

⁶ Исследования Владимирского института Федеральной службы исполнения наказаний.

Однако результаты наших исследований поведения несовершеннолетних преступников позволяют утверждать, что либеральный подход к уголовному наказанию не носит должного воспитательного и исправительного воздействия. Осужденные несовершеннолетние, которым назначается наказание в виде лишения свободы, — это лица, как правило, характеризующиеся крайней нравственной и поведенческой деформацией, и наказание в виде лишения свободы условно большинством из них не воспринимается как наказание. Для того чтобы уголовное наказание достигало целей исправления преступников и предупреждения преступлений, условное лишение свободы должно, по нашему мнению, сопровождаться дополнительными, более эффективными программами психолого-воспитательного воздействия. Однако и это относится к совершенствованию отечественной системы профилактики преступности несовершеннолетних, а не к ювенальной юстиции. В рамках отечественной системы профилактики преступности ничто не мешает реализовать программы и мероприятия социального, педагогического, юридического, психологического и медицинского характера, направленные на профилактику противоправного поведения и реабилитацию несовершеннолетнего (без введения ювенальной юстиции).

Мы рассмотрели лишь один аспект деятельности ювенальной юстиции, затрагивающий сферу защиты прав несовершеннолетних преступников. Что касается защиты прав детей, не имеющих проблем с законом, то здесь необходимость ювенальной юстиции еще более сомнительна.

В отличие от деятельности отечественной системы защиты прав несовершеннолетних, принципы деятельности ювенальной юстиции противоречат Конституции РФ.

Многие сторонники ювенальной юстиции утверждают, что ювенальные технологии в России будут отличаться от применяемых в западных странах, будет учтен их негативный опыт. Тогда возникают два вопроса. Во-первых, насколько необходимо вводить институт ювенальной юсти-

ции, который полон несовершенства (что влечет за собой громадные негативные последствия для общества) и при этом требует колоссальных материальных затрат? Если сторонники ювенальной юстиции планируют вводить данный институт с поправками, то зачем вообще говорить о внедрении ювенальной юстиции, вместо того чтобы продумывать совершенствование национальной системы защиты прав несовершеннолетних? В отличие от ювенальной юстиции, национальная система защиты прав детей основана на нашей культурной и правовой традиции.

Кроме того, наше сотрудничество с учеными зарубежных стран, изучающими этот вопрос, окончательно убедило нас в том, что ювенальная юстиция несет в себе больше вреда, чем пользы, более нарушает права семьи и детей, чем защищает их права. Доктора наук из стран Европы открыто признаются в провале идеи ювенальной юстиции и призывают российских коллег отказаться от внедрения этого института, реализовывать другое направление в защите прав детей. Какие доводы могут быть более красноречивы?

В известном докладе Генерального инспектора по социальным делам Франции Пьера Навеса о положении дел в судах по делам несовершеннолетних и социальных службах указано, что «судьи и сотрудники социальных служб постоянно нарушают закон. Между законом и практикой его применения огромная разница. В одном и том же суде практика одного судьи отличается от практики другого. Нет качественного контроля системы защиты детей и семьи. Никакого уважения к семье, никакой заботы о ней ювенальная юстиция не проявляет. Прокуратура не может вести наблюдение за всеми делами, так как их слишком много. Социальные работники и судьи имеют полную, безграничную власть над судьбой ребенка. Сотрудники социальных служб часто отнимали детей по анонимных телефонным звонкам»⁷.

⁷ <<http://www.juvenaljustice.ru/index.php/yuvenalnaya-yusticiya-o-proekte>>.

В докладе приводилась информация, что только в 2000 г. отнятых детей было около 2 миллионов, а в 2007 г. было установлено, что 50% детей отнято противозаконно. Ведь это огромный ущерб обществу!

За границей родителей лишают родительских прав по столь широкому перечню оснований, что перечислить их в рамках доклада не представляется возможным. Например, в Швеции родители были лишены прав опекуна над своей дочерью по причине того, что ее вес в два раза превышал нормальные показатели для этого возраста, а следовательно, создавал угрозу развития различных серьезных заболеваний⁸.

В Финляндии Римма Салонен была лишена прав опекуна над сыном потому, что привезла его в Россию в гости, что было расценено как похищение ребенка, а также потому, что незадолго до этого события крестила сына в православную веру, что, по мнению социальных служб ювенальной юстиции, создавало угрозу жизни и здоровью ребенка. Сама православная христианка Р. Салонен на суде была названа сектанткой. Основанием для отобрания ребенка у Н. Захаровой, проживающей во Франции, послужила формулировка «удушающая материнская любовь»⁹ (и это довольно часто является основанием для лишения родительских прав); социальный работник на суде также заявил, что мать, одевая свою 3-летнюю дочь точь-в-точь как себя, «лишает ребенка права на индивидуальность». Поводом для подачи жалобы в Комитет по защите прав детей (Barnevern) в Норвегии и изъятия детей может служить, например, то, что родители «заставляют» ребенка убирать в комнате (что называется принудительным использованием детского труда) или разрешают детям в середине недели есть конфеты, что портит им зубы (в Норвегии принято давать конфеты только в выходные), а также то, что родители «залечивают»

⁸ <<http://medportal.ru/mednovosti/news/2004/03/11/child/> (11 марта 2004 г.)>.

⁹ <<http://www.juvenaljustice.ru/index.php/yuvenalnaya-yusticiya-o-proekte>>.

детей (когда обращаются к врачам, например, в случае легкой простуды).

Похожие подходы к защите прав детей применяются и в российской действительности — в тех регионах, где проводятся кампании по внедрению технологий ювенальной юстиции. Уже сегодня в «пилотных» регионах поводом для изъятия детей из семьи может служить недостаточное материальное обеспечение семей, аварийное состояние жилья, не сделанные вовремя прививки, отсутствие в холодильнике ассортимента необходимых ребенку продуктов, наличие в доме домашних животных, разбросанные на полу игрушки и мусор, печное отопление в доме, соблюдение ребенком религиозного поста и многое другое, что расценивается сторонниками ювенальной юстиции как несоответствие мировым стандартам жизни детей, или ущемление их прав, или угроза насилия.

К группе риска в ювенальной юстиции относятся семьи матерей-одиночек и отцов-одиночек, а также малоимущие и многодетные. Причем в каждом таком регионе действуют свои основания для изъятия, а их перечень не ограничен и нормативно не закреплен. Таким образом, создается благоприятная обстановка для нарушения законных прав детей и родителей.

Например, в Санкт-Петербурге в настоящее время решается вопрос о лишении родительских прав 34-летней матери по причине наличия долгов за коммунальные услуги¹⁰. Как поясняют органы опеки и попечительства, вина матери не только в том, что она имеет задолженность по квартплате, но и в том, что она живет только на детские пособия, выплачиваемые на ее четверых детей — около 27 тыс. руб. (при этом она не пьет, не курит и не является наркоманкой). То есть, имея четырех детей, она должна еще и работать, а ее вина заключается в том, что она хочет все свое время посвящать детям.

¹⁰ <<http://www.ntv.ru/novosti/186246/>>.

Районный суд г. Чебоксары принял решение о лишении родительских прав отца-одиночки из-за наличия у него положительного ВИЧ-статуса. В двух заседаниях по делу участвовали 17 свидетелей, среди которых были воспитатели и родители других детей, с которыми дочь инфицированного ходит в детский сад, чиновники Госнаркоконтроля и инспекции по делам несовершеннолетних, свидетельствовавшие в пользу лишения родительских прав. Но даже их показания так и не смогли повлиять на вынесенное судебное решение¹¹.

Только благодаря личному вмешательству члена Общественной палаты РФ Смоленский областной суд 16 августа 2011 г. удовлетворил кассационную жалобу многодетной матери Н. Ефимовой на решение Смоленского районного суда о лишении ее родительских прав, принятого на основании наличия у ее детей педикулеза¹².

Принципы и методы ювенальной юстиции в деятельности по защите прав детей, широкий перечень оснований и субъективных критериев для их изъятия из семей являются серьезной криминологической проблемой, поскольку все это способствует не только дальнейшему росту нарушений законных прав и интересов несовершеннолетних и их родителей, но может привести к росту коррупции в сфере защиты прав детей. Это подтверждается и анализом опыта, уже накопленного западными странами.

Заслуживает внимания практика внедрения ювенальной юстиции в Москве. Так, Регламент межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с неблагополучными семьями¹³ содержит

¹¹ <<http://www.rusk.ru/st.php?idar=114552>>.

¹² <<http://opr.f.ru/press/news/newsitem/9093>>.

¹³ Регламент межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с неблагополучными семьями, утвержденный протоколом № № 02–10 заседания Московской городской межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 18 ноября 2010г.

в себе множество «новых» подходов к проблеме защиты прав детей.

Регламент предлагает «консолидироваться» практически всему обществу ради защиты прав детей, причем в антиконституционном смысле. Перечисленные в Регламенте субъекты взаимодействия¹⁴ (от уполномоченного по правам ребенка до консьержа в подъезде) обязываются собирать и передавать информацию комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав в отношении «целевых групп, на которые направлено межведомственное взаимодействие»¹⁵. К таким группам относятся: семьи и дети, проживающие в городе Москве и находящиеся в трудной жизненной ситуации; семьи и дети, проживающие в городе Москве и находящиеся в социально опасном положении. Также «индивидуальная профилактическая работа может проводиться и с лицами, которые не указаны в перечне, в случае необходимости».

К семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, предлагается относить семьи, в которых якобы отсутствуют «условия для воспитания детей», такие как: «отсутствие работы у родителей, иных законных представителей, места проживания, неудовлетворительные жилищные условия и т. д.» (перечень условий, как видно, не является исчерпывающим). В эту же категорию попадают семьи, в которых могут наблюдаться следующие случаи: невнимание родителей к успеваемости ребенка; смерть одного из родителей; постоянные конфликтные ситуации между родственниками, между детьми и родителями; уход отца или матери из семьи, развод родителей.

Правовым последствием признания того, что семья находится в трудной жизненной ситуации, является *постановка семьи на учет*, что, в свою очередь, влечет обязательную оценку уровня жизни несовершеннолетнего и степени угрозы его жизни и здоровью. Оценка уровня жизни несовершен-

¹⁴ Там же. П. 4.

¹⁵ Там же. П. 5.

нолетнего и степени угрозы его жизни и здоровью производится путем заполнения представленного в Регламенте акта обследования условий жизни несовершеннолетнего гражданина и его семьи. По результатам оценки экспертов из ФСБ России, указанный акт по некоторым направлениям превосходит «разведопросник» и иные оперативно-учетные документы, необоснованное составление которых влечет разные виды наказания, в том числе уголовное. Сбор подобной информации возможен лишь при наличии определенных условий, процессуальных оснований и осуществляется только специально уполномоченными на то лицами. Ни указанных оснований, ни условий Регламент не содержит, никаких подобных полномочий предоставить не может.

Подход, предложенный в Регламенте, делает возможным и весьма вероятным постановку на учет большинства российских семей по одним только признакам неудовлетворительных материальных и жилищных условий, а также по признаку «неполной» семьи. Например, согласно социологическим исследованиям, если в оценке уровня жизни ориентироваться исключительно на денежные доходы, то около 80% всех семей с детьми в России попадает в число бедных.

Сама постановка на какой-либо учет нарушает права граждан, подобная мера возможна лишь при совершении правонарушения. А навешивание таких ярлыков, как «семья в трудной жизненной ситуации», унижает честь и достоинство граждан, что также противоречит конституционному принципу, гласящему, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ст. 21 Конституции РФ).

Вполне очевидно, что ни чиновник, ни социальный работник не может точно и объективно определить, является ли какой-то показатель свидетельством трудной жизненной ситуации для отдельно взятой семьи. Например, уход из семьи одного из родителей может восприниматься ее членами не трудной жизненной ситуацией, а напротив, ее облегчением.

Принципиальным отличием правового государства является добровольность участия людей в его жизнедеятельности, в том числе в получении от него помощи. На этом основании недопустимо в принудительном порядке ставить семьи на учет, обязывать их пускать к себе в дом посторонних людей, а также принимать какую-либо помощь.

Указанные меры не могут быть применены на территории нашего государства, поскольку противоречат Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (ст. 23), а «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ст. 24).

За указанные нарушения конституционных прав и свобод человека в главе 19 Уголовного кодекса РФ предусматривается в числе прочего и уголовная ответственность. На основании ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» преступным деянием является: *«дискриминация, т. е. нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к... каким-либо социальным группам»* (курсив наш — Е.Т.). В данном случае постановка на учет указанных семей, сбор о них информации, а также изъятие у них детей являются дискриминацией вследствие их имущественного положения, места жительства и социального статуса.

Преступлением является и «Нарушение неприкосновенности частной жизни» (ст. 137 УК РФ), т. е. «незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия». Квалифицирующим признаком составов преступлений по обеим статьям является совершение этих деяний с использованием служебного положения.

Хотелось бы отметить также некоторые положения Методических рекомендаций по профилактике жестокого обращения с детьми и насилия в семье¹⁶, прилагаемых к Регламенту. Судя по формулировкам, терминологии и сущности, они не относятся к понятиям отечественной юридической науки.

В этих рекомендациях в число признаков насилия над несовершеннолетним включен, например, кариес у ребенка. Чем, в сущности, кариес в качестве признака насилия над ребенком отличается от ветрянки? Представляется, что только «прогрессивностью» мысли социальных работников.

В методических рекомендациях предлагается понимать под жестоким обращением с ребенком не только принятые в отечественной законодательной и правоприменительной практике понятия «физический и психический вред», но и «психологический и моральный вред здоровью». Понятие «психологический и моральный вред здоровью», указанное в рекомендациях, в настоящий момент не является правовым понятием, а значит, и ответственность за такой вред не может входить в сферу общественного, государственного и любого другого контроля.

В случае введения в правовое поле таких оценочных субъективных категорий, как «психологический» и «моральный вред», каждый из нас может стать преступником, поскольку ограничить область их применения только сферой семейных отношений не получится, их придется применять и к другим сферам жизни, что приведет к искусственной криминализации общества. Человека, абсолютно любящего всех людей, найти так же сложно, как и человека, который бы кого-нибудь не раздражал, с мнением которого все окружающие были бы согласны. Криминализация «психологического»

¹⁶ Методические рекомендации № 18 по профилактике жестокого обращения с детьми и насилия в семье, на которые ссылается в своих статьях Регламент межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с неблагополучными семьями.

и «морального вреда» приведет к дезорганизации всех сфер жизни общества. Понятия «психологический» и «моральный вред» настолько субъективны, что не поддаются контролю и оценке извне, кроме того, они примитивизируют право. В результате введения таких критериев можно полностью разрушить семью. Если сегодня христианская мораль, культурные традиции Россиян призывают быть терпимыми друг к другу, любить и прощать, то с введением этих понятий люди будут считать, что их права ущемляются любой просьбой, которая им не нравится, и семья исчезнет вообще. Дети перестанут слушаться родителей на том основании, что просьба сделать уроки или вымыть за собой посуду, так же как и запрет бесконтрольно играть в компьютерные игры или курить, будет расценена ими как «моральный» или «психологический вред».

К настоящему моменту уже имеются случаи привлечения к уголовной ответственности родителей за «психологическое насилие», которое было оценено ювенальными судом как жестокое обращение с детьми. Например, в «Обзорной справке о судебной практике по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, рассмотренных судами Ростовской области» приводится дело гражданина Михова И.И., приговоренного к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ¹⁷. Жестокое обращение опекуна заключалось в том, что он «выражал словесно и жестами угрозы побоями», «ставил несовершеннолетнего в угол на длительное время», а также «против воли и желания принуждал несовершеннолетнего принимать пищу».

Что же касается процесса воспитания, то здесь, по мнению сторонников ювенальной юстиции, можно усмотреть сплошное «психологическое насилие» над ребенком. Но как же иначе, если именно родители формируют поведение, привычки, установки и во многом психику ребенка. А если

¹⁷ См.: Ползучий государственный переворот // <http://psj.ru/saver_national/detail.php?ID=52879>.

не воздействовать на психику детей, то она так и останется в своем первоначальном, «зародышевом», состоянии. И если ребенка не воспитывать (т. е. не учить, не объяснять, что хорошо, а что плохо, не поощрять, не запрещать, не наказывать), то он может стать психически отсталым человеком, а родители автоматически станут субъектами преступления.

Таковы законы жизни, да и юридические, что во время процесса роста, взросления человека просто необходимо психологически воздействовать на него, применять к нему так называемое «психологическое насилие», не являющееся, по сути, насилием над ребенком, а являющееся «насилием» по отношению к его примитивной психике, так же как и укол с антибиотиком — не насилие по отношению к человеку, а лишь «насилие» по отношению к его болезни. И в том и в другом случае цели преследуются исключительно благие. Подтверждением этого является установленный законодателем возраст 18 лет (в некоторых случаях 16), с которого ребенок может считаться зрелым физически и психически, поэтому и приобретает в полном объеме права и дееспособность. До этого момента (как следует из смысла закона) жизнь ребенка, его социализация, процесс формирования — целиком и полностью забота его родителей, а значит, они имеют право выбора способа воздействия на незрелую психику конкретного человека исходя из особенностей его характера. **И это естественное право никто не смеет отбирать у родителей.**

В семейном законодательстве Российской Федерации устанавливается родительское право и обязанность воспитывать своих детей¹⁸. Кроме того, родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей и имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Ювенальная юстиция фактически лишает родителей их естественного права воспитывать де-

¹⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ. Ч. 1 Ст. 63 // Информационно-справочная система «Гарант».

тей и преимущественного права на определение системы и приоритетов их воспитания.

Наша криминологическая оценка ювенального подхода к воспитанию позволяет утверждать, что необоснованное расширение прав детей, заключающееся в поощрении детского своеволия под видом защиты их прав, приведет к увеличению неуправляемости, отклоняющегося поведения и психопатологий, а в конечном итоге — к росту преступности несовершеннолетних.

Усилия, предпринимаемые с целью криминализовать психологический вред, становятся устрашающе активными. В России фактически в режиме безмолвия осуществляются попытки *подписания различных международно-правовых актов без серьезного их анализа*, в том числе без криминологической экспертизы. Сейчас правовую экспертизу в различных учреждениях проходит проект *Конвенции Совета Европы о предотвращении и искоренении насилия в отношении женщин и насилия в семье*. Интересно, что уже в преамбуле Конвенции указывается, что международное сообщество признает тот факт, что «дети являются жертвами насилия в семье». В этом документе предлагается ввести в правовое поле и криминализовать понятия «сексуальный и психологический вред». Также проект Конвенции вводит понятия «гендерная принадлежность», «гендерная идентичность», предлагает защищать от дискриминации лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Предложение проекта о «насильственных изменениях в социальных и культурных моделях поведения женщин и мужчин» может привести к грубейшему вмешательству в жизнедеятельность и мировоззрение народов, населяющих Российскую Федерацию. Ст. 45 предлагает ввести в национальные законодательства новые виды уголовных наказаний, в числе которых «лишение родительских прав», для родителей, применивших насилие в отношении любого лица. По нашему мнению, такие меры приведут к увеличению числа социальных сирот в обществе и обострению криминальной ситуации.

Вполне очевидно, что ювенальная юстиция не просто предлагает новые взгляды на права и возможное поведение ребенка, а нацелена на коренное изменение российского общества, на слом традиционных понятий и представлений о воспитании ребенка и родительских правах.

Например, ювенальный подход к приоритетности прав ребенка является неконституционным. В Российской Федерации, согласно Конституции, «все равны перед законом и судом»¹⁹, а «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»²⁰. Следовательно, родители и дети в обществе должны иметь равные права, иначе приоритетность прав одних ущемляет права других.

Все более частое употребление понятия «приоритетность прав детей» в обществе в целом и на самом высоком уровне в частности оправдано только тем, что защита прав ребенка является первоочередной и важнейшей деятельностью государства по сравнению с иными направлениями социальной политики. С процессом внедрения ювенальных технологий понятие «приоритетность прав детей» все чаще используется как противопоставление правам родителей. Такая осознанная подмена понятий имеет вполне определенную цель — изменение общественного отношения к этому вопросу, и если анализировать деятельность ювенальных судов²¹ и социальных служб в так называемых «пилотных» регионах, то данная цель успешно достигается.

По моему мнению, недопустим и ювенальный принцип изъятия детей у родителей, не ведущих антисоциальный образ жизни. Этот принцип является самым противозаконным

¹⁹ Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года. Ст. 19. Ч. 1. // Справочно-информационная система «Гарант».

²⁰ Там же. Ст. 17. Ч. 3.

²¹ В России на сегодняшний момент действует 41 ювенальный суд в качестве эксперимента в «пилотных» регионах.

и противоестественным, поскольку грубо нарушает международное, конституционное, семейное законодательство, а также противоречит общечеловеческой нравственности. Такой жестокий принцип ювенальной юстиции, как изъятие детей из благополучной в нравственном отношении семьи, причиняет непоправимый вред прежде всего ребенку, а значит, и обществу в целом. Практикуемый в Европе ювенальный механизм изъятия детей из семей «до выяснения обстоятельств», подтверждающих или опровергающих, например, анонимное сообщение о факте жестокого обращения, позволяющий забирать детей на срок от 25 дней до нескольких месяцев без решения суда, нарушает принцип презумпции невиновности.

Подобные «прогрессивные» меры в духе ювенальной юстиции будут способствовать развитию тоталитаризма в нашем государстве, нарушат конституционные принципы, в том числе принципы верховенства закона и соблюдения прав человека.

Проблема насилия по отношению к детям, существующая у нас, как и в любых других странах, — это не результат неэффективной государственной борьбы с ним, а проблема самого общества, его безнравственности. И решать ее необходимо не силовыми методами, а тем более не насильственным изъятием детей у родителей, *не ведущих антисоциальный образ жизни*, а качественно иными способами — духовным и культурным возрождением общества и семьи.

Исследуя проблему преступности в отношении несовершеннолетних, мы обнаружили, что имеет место тенденция акцентировать проблему семейного насилия в отношении детей.

Согласно официальным данным за 2010 г., число несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств, составило 100 227 чел.²², среди которых более половины (55 170 чел.) признаны потерпевшими от преступлений, сопря-

²² Статистика ГИАЦ МВД России. Форма 455, раздел 3 (за 12 месяцев 2010 г. всего по России).

женных с насильственными действиями. Непосредственно от преступлений со стороны членов семьи пострадало 5 208 чел., из которых от преступных действий или бездействия самих родителей — 4 044 ребенка²³. Следовательно, 51 126 несовершеннолетних стали жертвами вовсе не семейных преступлений. Если перевести эти данные в процентное соотношение, то лишь 7,3% общего числа пострадавших от насильственных преступлений детей становятся жертвами родительского насилия. Относительно общей численности детей, проживающих в России, которая составляет около 26 миллионов, число несовершеннолетних жертв семейного насилия составляет 0,02%.

Таким образом, несмотря на то, что проблема насилия над детьми действительно существует, акцентуация внимания общества преимущественно на проблеме семейного насилия в отношении детей не имеет под собой статистически подкрепленной основы.

Тот факт, что более чем 90% несовершеннолетних жертв насильственных преступлений пострадало не от членов семьи, а от посторонних лиц, свидетельствует о том, что именно такое насилие является по-настоящему серьезной проблемой. Среди «неродительских» насильственных преступлений в отношении детей доминируют преступления против жизни и здоровья, сексуального характера (особенно педофильные), преступления против нравственности, торговля детьми, в том числе с целью продажи «на органы» и т. д. Поэтому предупреждение и борьба именно с этими преступлениями должны стать главными задачами защиты прав детей.

Тем не менее в обществе нагнетается проблема исключительно семейного насилия. Семье, обремененной грузом нерешенных социально-экономических проблем, проблем здоровья и уровня медицинского обслуживания, все больше

²³ Статистика ГИАЦ МВД России. Форма 455, раздел 4 (за 12 месяцев 2010 г. всего по России).

достается от правозащитных организаций, обвиняющих ее в росте насилия в отношении детей.

Закономерно возникает вопрос: почему вместо решения актуальных проблем защиты прав детей экономического, социального характера наблюдаются попытки переноса акцента общественного внимания на те сферы, где зафиксировано минимальное число преступлений в отношении детей?

Мы полагаем, что во-первых, это связано с тем, что вследствие низких показателей преступности в отношении детей со стороны родителей искусственная криминализация родителей просто необходима для оправдания введения в России ювенальной юстиции и внедрения ювенальных технологий, а во-вторых, это делается с целью создания видимой активности в сфере защиты прав детей — для того чтобы заслонить существование реальных проблем, касающихся прав детей, поскольку их решение гораздо более сложно и дорого.

Вопросы к докладчикам и ответы

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Разрешите задать вопросы обоим докладчикам. Вопрос Алексею Станиславовичу — что является, с вашей точки зрения, пунктами несогласия сторон в дискуссиях о ювенальной юстиции? Елене Михайловне — что может торпедировать интересы детей в системе ювенальной юстиции? Что может быть разрушительным? К примеру, при неумеренности или несбалансированности каких-то механизмов, или процедур, или предлагаемых обыкновений правоприменений.

Ответ (А.С. Автономов):

У меня сложилось такое впечатление, что вначале рисуют ювенальную юстицию так, как им нравится, а потом начинают ее обвинять во всех смертных грехах. Мы берем не только те регионы, где внедрены все элементы ювенальной юстиции, потому что по Москве достаточно интересно слышать о внедрении ювенальной юстиции — Гагаринский суд пытался, прочие. На самом деле ни один суд в Москве ювенальными технологиями не занимается. Это я знаю совершенно точно, хотя были такие попытки, но далее этого не пошло. Где эти технологии внедрены более или менее комплексно — это Ростовская область. Там есть отдельные помещения для судебных заседаний с участием несовершеннолетних — и в Таганрогском суде, и в суде города Шахты, и в Кагальницком сельском районном суде, есть особое присутствие в областном суде.

Мне не совсем ясно, почему внедрение ювенальной юстиции противоречит тому факту, что никто не занимается с условно осужденными. В том-то и дело, что никто не занимается. А кто будет в отсутствие системы ювенальной юстиции заниматься с ними, если нет на это специальных служб? И судьи на это не обращают внимание. Я сам четыре с лиш-

ним года был членом Квалификационной коллегии судей Москвы, спрашивал очень ответственных судей о некоторых нюансах законодательства, связанных с правами детей, с особенностями процессов в отношении несовершеннолетних. Судьи говорят: «Понимаете, когда приходит десять “бандитских” дел и одно дело по несовершеннолетнему, здесь уже толком не вникнешь». Это не специализация — то, о чем вы говорите. Какая это специализация? Специализация — это там, где человек занимается проблемой несовершеннолетних, понимает их психологию, особенности развития. Плюс к этому, когда есть специальные службы, плюс, когда есть механизм вот тех самых частных определений, которыми пользуются в Ростовской области, как в «пилотном» регионе.

Скажем, безработным несовершеннолетним, которые вынуждены были заниматься кражами просто из-за того, что им есть было нечего, находили работу. А до этого их просто не хотели брать на работу. Вынесено частное определение, и служба занятости занялась, людям нашли работу, и они до армии больше преступлений не совершали — это верное решение, это и есть одна из технологий ювенальной юстиции. Можно очень много и хорошо говорить о том, что у нас есть некая национальная система, но я пока не услышал, каким принципам ювенальной юстиции противоречит как раз наша национальная система? Она у нас просто недоделана. Уголовно-процессуальное законодательство, в частности, делалось под ту специализацию, которая была в 1960-х или 1970-х гг. Эта специализация сейчас не работает. Тогда действительно была специализация судей, судьям другой работы, кроме как с несовершеннолетними, не давали.

Ответ (Е.М. Тимошина):

Самым губительным действием ювенальной юстиции, на наш взгляд, является изъятие детей из некриминальных семей, не из семей алкоголиков или наркоманов, а из семей, в которых отсутствует реальная угроза жизни и здоровью

детей. В тех регионах России, где внедряется ювенальная юстиция, органы (организации), защищающие права детей, пытаются действовать по классической «западной» схеме, согласно которой детей полагается изымать из тех семей, которые просто *не могут* обеспечить достаточный материальный уровень жизни своим детям, создать достойные (по западным меркам) условия проживания или (что пока еще не так часто встречается) в случае причинения родителями психологического вреда ребенку (под которым понимаются запреты, назидания, нефизические наказания и т. п.). Эти ювенальные подходы не применимы для России потому что:

- в нашей стране чем больше детей в семье, тем выше у нее риск стать бедной семьей;
- в некоторых регионах жилищные условия не только не соответствуют западным стандартам, а находятся за гранью понимания «среднего» европейца (например, дома с печным отоплением, без канализации);
- нашей культуре свойственны иные семейные традиции и уклад жизни, детей приучают уважать старших, не перечить своим родителям, и поэтому без наставления (поучения) воспитание невозможно, именно поэтому психологическое воздействие в нашей стране не криминализирован — т. е. не признан противоправным деянием.

Еще одной серьезной опасностью, которую можно прогнозировать исходя из зарубежного опыта и которая влечет грубейшее нарушение прав детей и родителей, может стать практика длительного помещения детей в приюты и больницы после их изъятия из семьи «до выяснения обстоятельств». То есть судебное решение еще не принято, а детям уже наносится психологическая и моральная травма, они разлучаются с родителями, которые до решения суда еще не могут быть признаны виновными в чем-либо (согласно великому достижению правовой мысли — презумпции не-

виновности). Так, в Европе, к примеру, принято до выяснения обстоятельств забирать несовершеннолетнего из семьи, помещать его в социальный приют на срок от 25 дней до нескольких месяцев (а то и года). Основанием для изъятия может быть анонимный звонок в социальную службу с сообщением о том, что соседи слышали крик ребенка и они не исключают, что к несовершеннолетнему применялись, скажем, какие-то жестокие меры воздействия. Процесс доказывания может затянуться на очень продолжительный срок. То есть к несовершеннолетним преступникам ювенальная юстиция предлагает относиться очень снисходительно, вообще не употреблять даже такого «некорректного» термина, как «преступник», применять лишь меры воспитательного воздействия (даже если совершены изнасилование или убийство). В то же время к ни в чем не повинным детям, родители которых только подозреваются в чем-то нехорошем, отношение крайне жестокое: их насильно разлучают с самыми дорогими на свете людьми. Согласно нашим исследованиям, подавляющее большинство изъятых органами ювенальной юстиции детей не желали уезжать из дома и разлучаться с родителями! Это первое.

Во-вторых, вы сказали, что несовершеннолетним преступникам находят работу. Дело в том, что, согласно анализу деятельности уголовно-исполнительных инспекций, сейчас в России увеличилось число осужденных, которым назначается наказание, не связанное с изоляцией от общества. Но в связи с этим возникла проблема наличия рабочих мест, которые могут использоваться для выполнения обязательных работ как уголовного вида наказания. А вы говорите о несовершеннолетних преступниках, которые не хотят работать, как правило, злоупотребляют алкоголем, употребляют наркотики, имеют антисоциальные установки. Дети, уголовные дела которых доходят до суда, как правило, крайне трудны, и с ними уже была проделана работа по направленному перевоспитанию, и все меры воздействия были исчерпаны.

С.С. Сулакшин:

Очевидно, что изъятие из семьи или, что равносильно, лишение родительских прав — необходимая мера. Вопрос в том, насколько точны критерии, насколько соответствуют они старому мудрому принципу — «не навреди». Мы, наверное, придем к мысли, что здесь максимы выбирать не приходится. Нужно искать точный регулирующий механизм, который будет способен сбалансировать общепризнанные ценностные критерии и интересы детей, интересы семей.

Вопрос (А.И. Хвыля):

Опыт показывает, что если в каком-то обществе инициируются некие процессы, очень быстро принимающие глобальный характер, а я думаю, все согласится, что ювенальная юстиция очень быстро стала принимать всеобъемлющий характер, то за этим надо искать какую-то метамотивацию и какую-то конкретную духовность. С вашей точки зрения, какая метамотивация, какая духовность стоит за этим проектом.

Ответ (А.С. Автономов):

Мне трудно сказать за всех. Я сам занялся в 1998 г. этими вопросами, потому что у нас старая система работы с несовершеннолетними оказалась существенно разрушенной, либо органы, которые этим занимались, оказались парализованы. В 1990-е гг. я кроме вуза работал еще в школе — был такой проект по правовому воспитанию детей. И я наблюдал, глядя на учеников, как буквально на моих глазах рушилась семья как институт. И меня беспокоит то, что это происходит и поныне. У нас либо разрушены механизмы, либо они были подготовлены под другую систему и потому не работают, т. е. формально они существуют, но не работают. Может, у кого-то есть еще и другие мотивации, но меня беспокоит именно это.

С.С. Сулакшин:

Дело в том, что иногда самые благие намерения маскируют очень неблагие действия в отношении нашей страны. Мы не дети, мы понимаем, что Россия находится в условиях информационной войны, в условиях геополитического противостояния, в условиях применения очень профессиональными спецсилами провокаций, спецпроцедур внедрения деструктивных механизмов в процессы развития страны. Не впадая в конспирологические крайности, все-таки мы можем определять, что иногда предлагаемые инновации имеют скрытые цели. Вскрывать их — это тоже долг профессионала.

Вопрос (Л.О. Павлова):

У меня вопрос к Елене Михайловне, касающийся терминов. Мне показалось, что мы несколько по-разному понимаем терминологию. Если я правильно вас услышала, вы сказали, что сложилось уже устойчивое понятие ювенальной юстиции как системы государственных органов, органов исполнительной власти, должностных лиц, направленные на реализацию прав, свобод и законов в интересах ребенка. Не могли бы вы пояснить по этому понятию, кто его сформулировал, как оно точно звучит и правильно ли я его поняла?

Ответ (Е.М. Тимошина):

Я привела определение из концепции введения ювенальной юстиции в РФ, которая написана Олегом Зыковым. Такое же определение содержится в других многочисленных методических рекомендациях, которые предлагаются, например, Институтом Канады и другими организациями. Хочу привести заключение Общественной палаты РФ: «Ювенальные суды — это лишь основа создания и развития ювенальной юстиции, задачи которой гораздо более широкие. Ювенальная юстиция — это правовой инструмент решения различных проблем детства в стране. Ювенальная юстиция станет важным базисным элементом построения всей системы вза-

имоотношений ребенка и общества в ситуации, когда ребенок нуждается в защите, вне зависимости от того, совершил он преступление или нет».

Л.О. Павлова:

Елена Михайловна, Вы как научный сотрудник, наверное, анализировали это понятие? Вы согласны с ним? Вы считаете его достаточно полным? Вопрос касается именно терминологии, понятия.

Е.М. Тимошина:

Я считаю вопрос терминологии не самым важным, мы должны смотреть в сущность явления, а не засорять наше правовое пространство этим якобы прогрессивным понятием. Я убеждена, что не нужно ни разрабатывать термин, ни вводить саму ювенальную юстицию, а надо совершенствовать свою, отечественную систему защиты прав несовершеннолетних. Ювенальная юстиция привносит с собой свои принципы, свои механизмы, чуждые нашей культуре и правоприменительной практике.

С.С. Сулакшин:

Вопрос был о терминологии. Совершенно очевидно, что прозвучали уже два типа терминологии — ювенальная юстиция и национальная система борьбы с правонарушениями.

З.Л. Коган:

Вместо ювенальной я бы предложил говорить о семейной юстиции. Семья — это основа основ. Она пережила все этапы развития государства и переживет в будущем. Нужно как следует ознакомиться с опытом исламских семей или православных религиозных семей. Если обобщить этот опыт, то можно увидеть, что чем больше детей и меньше аборт, тем меньше шансов для появления негатива. Наши семьи должны знать, что если не будет абортов, не

будет и насилия в семье, дети в больших семьях это видят. Это один из выходов.

У нас в мемориальной синагоге есть юный прихожанин, сейчас ему 13 лет. Два года назад он всех обворовывал, мы боялись, что из синагоги все разбегутся. Но он очень талантливый мальчик, и одна из прихожанок нашла очень хороший выход: поскольку у него замечательный слух, прекрасные пальцы, то она посоветовала обучать его игре на фортепиано. Его определили в музыкальную школу. Сейчас он устраивает в нашей синагоге прекрасные концерты, и он перестал воровать. Это было у него вроде болезни.

Так что совсем не обязательно, чтобы существовало лишь наказание. Давайте вместо ювенальной будет семейная юстиция, потому что проблема семьи действительно весьма специфическая. Здесь есть свои законы. Вот какое-то время назад не разрешались разводы. Почему? Потому что развестись невозможно. Когда мужчина оплодотворяет женщину, то в ней происходят изменения — всё, она уже его, перед Богом. На нем тоже отражается эта связь. С другой стороны, мы цивилизованные, мы развиваемся. Хочу сказать, что семейная юстиция, возможно, иметь шанс быть. Надо меньше думать о заговорах против нас. Они, конечно, есть. Везде правят деньги. Негодяи в любой стране есть, у нас их не меньше, чем в той же Америке. Дети — самые беззащитные, и старики, хотя в меньшей степени. Если мы изымаем ребенка из семьи — это все равно, что аборт. Это несчастье.

Вопрос (В.Е. Хомяков):

Я хочу задать вопрос А.С. Автономову. В позапрошлом году я присутствовал на парламентских слушаниях по ювенальной юстиции, с которых началась широкая волна протестов. Как вы можете объяснить тот факт, что на этих слушаниях в качестве основных модераторов присутствовали представители иностранных государств, в частности министерства юстиции США, французских организаций, а также

ЮНИСЕФ — структуры ООН? А также то, что инструктаж лоббистов и сторонников этого проекта в России происходил во французском посольстве?

Ответ (А.С. Автономов):

Я, честно говоря, не помню, чтобы парламентские слушания проводились вне стен Думы. Я инструктажами не занимаюсь. Не хочу сказать, что этого вообще не может быть. Вы говорили о том, что могли быть какие-то другие, латентные цели. Это уже другой вопрос — что мы понимаем под этим? И что *мы* хотим от этого? Также возникает вопрос, кто кого инструктирует? Единственное, что я бы рекомендовал, это отделить организации ООН от зарубежных организаций по той простой причине, что в ООН представлены и мы сами. Я могу назвать десяток людей, которые работают в ООН, это и наши дипломаты, и те, кто реализует наши интересы. Здесь нельзя говорить так однозначно. В ООН ни разу ни одно решение не принималось без согласования мнений. Я являюсь еще членом Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, и мы рассматриваем доклады разных государств. И мы все, эксперты, только тогда выносим свои рекомендации, когда мы все согласны с ними. А у нас в Комитете есть представители и европейских, и африканских, и арабских мусульманских стран. Повторю: только когда мы приходим к единому мнению — о том, что это будет полезно для того или иного государства, мы даем рекомендации конкретному государству. Поэтому ооновские организации — это одно, западные страны, которые реализуют свои задачи, — это немного другое.

Вопрос (Т.Л. Шишова):

У меня вопросы к обоим докладчикам. Елена Михайловна, я знаю, что вы были в Финляндии, которую рассматривают в качестве образца введения ювенальной юстиции. Хотелось бы узнать про это. У Алексея Станиславовича я хотела

бы спросить — если я вас правильно поняла, у нас ювенальную юстицию почти нигде не вводят, только в Ростовской области. Как вы тогда объясните, что во многих местах, в том числе в Москве и Подмосковье, уже довольно много изъятий детей по ювенальным основаниям? Кроме того, принят Регламент межведомственного взаимодействия и методические рекомендации, которые упомянула Е.М. Тимошина, которые содержат в себе основания для изъятия ребенка из семьи и обвинения родителей в жестоком обращении.

Ответ (Е.М. Тимошина):

Я с удовольствием поделюсь своими наблюдениями. Я принимала участие в конференции по вопросам ювенальной юстиции в Финляндии, в Хельсинки, на которой присутствовало около ста женщин, пострадавших от действий органов ювенальной юстиции, а именно — от изъятия детей. Ни одна из этих женщин не страдала ни алкоголизмом, ни наркоманией, не уклонялась от своих родительских обязанностей по воспитанию, и, тем не менее, все они оказались в поле зрения ювенальной юстиции и лишились детей.

Их истории заставили задуматься о том, что это не единичные случаи, а системная практика. Многих детей изымали на основании анонимных сообщений, сообщений соседей, недоброжелателей, на срок от 25 дней до нескольких месяцев. Детей помещали в частные приюты, на содержание каждого ребенка в них государством выделяется 200–300 евро в день. И это очень прибыльный частный бизнес. Многие социальные работники, изымающие детей, являются владельцами таких детских домов и социальных приютов. И они распределяли изъятых детей в свои же приюты. А потом происходит длительное выяснение того, было ли действительно в семье насилие в отношении ребенка или не было? Причем попасть с проверкой на территории частных приютов не может никакой контролирующий орган или лицо. В Финляндии были случаи возбуждения уголовных дел в отношении должност-

ных лиц, которые без предварительного уведомления и разрешения пришли в частные владения приюта, чтобы проверить, как соблюдаются там права детей. Кроме этого, любая информация об изъятом ребенке, его семье или обстоятельствах дела, таких как причина изъятия, условия жизни семьи, — является секретной, не допустимой к разглашению якобы в интересах детей. За ее разглашение предусмотрена уголовная ответственность. Даже у самих родителей изъятых детей берется расписка о неразглашении, поэтому информация, полученная нами из первых рук, можно сказать, добыта под угрозой наказания со стороны финского правосудия.

Еще интересная подробность: если женщина (особенно русская) обратилась в центр психологической помощи за разрешением каких-то вопросов взаимоотношений с мужем (не с ребенком!), ей сразу же прописывают особые антидепрессанты, прием которых не позволяет ей воспитывать ребенка, о чем она узнает только после приезда скорой, которая забирает ее в стационар, поскольку принимать такие препараты нужно под присмотром специалистов. Детей, естественно, невзирая на наличие папы или иных родственников, тут же изымают из семьи. А уже потом, после выхода из психиатрической клиники начинается долгий путь оправдания женщины, чтобы подтвердить то, что она может-таки воспитывать своих детей, несмотря на ее «нестабильные психические состояния». Она также подвергается унижительным проверкам на предмет того, как она воспитывает детей. А дети все это время находятся в приюте.

И еще интересная особенность: оказывается, в зарубежной практике введено возрастное ограничение на установление опекунов, благодаря которому родные бабушки и дедушки, будучи в здравом уме и имея хорошее здоровье, не имеют права получить опекунов над своими внуками. На Западе при решении вопроса об опекунах предпочтение отдадут совершенно незнакомому человеку вместо близких и любящих людей.

Кроме того, работникам ювенальной юстиции верят на все сто процентов, несмотря на то, что многие из них не имеют ни педагогического, ни юридического, ни психологического образования (просто нет такого специального требования). Заключение социальных работников никто не проверяет, и судья автоматически подписывает тот протокол, который составляется социальными работниками, не имеющими специального образования. А лишение прав опеки над ребенком (в Финляндии нет понятия родительские права) относится к компетенции всего-то административного суда! И правда, какой пустяк. Вот оспаривание права собственности — компетенция гражданского суда, а лишить такого естественного права, как опека над своим ребенком, можно и в упрощенном порядке. Такие вот нравы. Неужели мы хотим им подражать?

Ответ (А.С. Автономов):

Для меня неожиданностью является тот факт, что именно Финляндия является образцом применения ювенальных технологий. Я приводил пример Японии, где практически нет детской преступности и, в общем, нет детских домов, потому что там ребенка, лишившегося семьи, берут на воспитание соседи или еще кто-то. Так бывает часто: сначала принимаем что-то за идеал, а потом начинаем с ним бороться.

Что касается «ювенальных оснований». Я не знаю таких. Межведомственный регламент — это акт, не принятый ни Госдумой, ни референдумом, ни кем-то еще. У нас ювенальной юстиции нет, а детей изымают. И в то же время всех пугают тем, что вот будет ювенальная юстиция — будут изымать. А сейчас, почему изымают, спрашивается? Кто называет эти основания ювенальными? Мы их так называем? В Регламенте об этом говорится? Нет. Но на это внимание не обращают. Точно так же можно сказать, что в американских школах сверхактивных детей тоже пичкают антидепрессантами, а я считаю, это вредно для детей, их активность просто

надо направлять в другое русло, чем сильна, кстати, наша педагогика. Я хотел бы еще сказать, что слово «медицина» тоже нерусского происхождения, как и «ювенальная»: термин «ювенальный» происходит от латинского *juvenis* — молодой, юный. Ювенальных же оснований нет, как нет общих принципов ювенальной юстиции, так же как нет и общей для всех медицины. Есть медицина, но она имеет специфику в каждой стране — корейская медицина существенно отличается от французской, к примеру.

Е.М. Тимошина:

Я хочу коротко дополнить свой ответ. Почему упомянутые меры называются ювенальными? Да потому, что именно о них написано во многих рекомендациях по введению ювенальной юстиции в России, и они были чужды нашей традиции, правоприменительной практике до внедрения проектов ювенальной юстиции в России.

Указанные Методические рекомендации были переведены дословно и применяются в Европе как определяющие понятие жестокого обращения с детьми.

Вопрос (М.Н. Мирсагатова):

Мой вопрос касается защиты прав и законных интересов детей. Меня, как практического, а сейчас уже и как научного работника, интересует, каковы будут взаимоотношения ювенальной юстиции не с родителями, не с социальными структурами, а с государственными структурами? Долгие годы работая в межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних (сейчас я уже не являюсь ее членом), я сталкивалась со множеством случаев нарушения прав детей. Мы обсуждали целые регионы на правительственной комиссии, возглавляли эти комиссии заместители руководителей по социальным вопросам, т. е. солидные люди, но чаще всего нерешаемыми вопросами были вопросы выделения жилья для детей-сирот. А сейчас к сиротам можно отнести значительное

число детей, поскольку с введением понятия «социальное сиротство» сотни тысяч детей, которые лишены родительского внимания, становятся социальными сиротами. Теперь вопрос: как ювенальная юстиция будет помогать детям решать такие вопросы?

Ответ (А.С. Автономов):

Все зависит от того, какие это именно вопросы. Что касается жилья, это действительно большая проблема. В некоторых регионах этим вопросом занимаются комиссии, но, к сожалению, на сегодняшний день комиссии не имеют общей законодательной базы. Кое-где у нас есть уполномоченные по правам ребенка, они этим занимаются. Я столкнулся с тем, что в Псковской области уполномоченный по правам ребенка от этого всего отрешивается и говорит, что человеку ведь уже больше 18 лет, например 18 лет и один месяц, поэтому это уже не его сфера ответственности. Мы ему говорим, что это выпускник сиротского учреждения, до 23 лет он должен находиться под крылом тех органов, которые занимаются детьми. Иногда жилье предоставляют такое, что жить там нельзя. К счастью, там есть уполномоченный по правам человека, который помогает решать эти проблемы. Как эти вопросы будут решаться, зависит от законодательства. То же можно сказать о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав — лет десять назад был заблокирован общефедеральный закон, по той причине, что «мы не можем вмешиваться в дела субъектов федерации». Поэтому сейчас отдельные субъекты стали принимать свои законы. В Московской области такие комиссии работают. Конечно, вопросы по полномочиям абсолютно верны. Тем не менее у нас же принимается, скажем, закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». Там их права прописываются достаточно подробно. Никого не волнует, что это отнесено

к ведению субъектов Федерации. Точно так же и здесь — можно было бы наделить такие комиссии определенными полномочиями. Я писал заключение о том, что такой закон об общих принципах организации мог бы быть принят. Тогда он бы регулировал работу общефедерального органа и общие принципы деятельности и права таких органов в субъекте РФ. Но по тем или иным причинам он не прошел. Наверное, тоже сочли, что он слишком ювенальный. Но кое-где на уровне субъектов его продвигают.

Ответ (Е.М. Тимошина):

Я хотела заметить, что в тех регионах, где внедряется ювенальная юстиция, изъятие детей осуществляется как раз на основании, к примеру, плохих жилищных условий или недостаточного материального обеспечения семей. Пока ювенальная юстиция не решает таких вопросов, как, например, предоставление семье жилья или выплата пособий, позволяющих создать достойный уровень жизни детям, зато решает проблему защиты прав детей радикальным способом — вырывая их с корнем из родной семьи.

В США, например, детей часто забирают из неблагополучных (с точки зрения ювенальной юстиции) семей, в том числе малообеспеченных, и передают в другие семьи, которым ежемесячно выплачиваются деньги на их содержание. Возникает вопрос: почему нельзя обойтись без варварского изъятия детей, предоставив родной семье то пособие, которое выплачивается приемной? На наш взгляд, это объясняется обезцениванием института семьи за рубежом. В России семья священна и оберегаема, как традициями основных религий нашей страны, так и устоями жизни общества.

Вопрос (А.Н. Титушкин):

Мой вопрос созвучен с вопросом господина Хомякова, но лежит немного в другой плоскости. Во-первых, у нас совсем не единицы регионов, где вводятся ювенальные технологии.

В регионах ювенальные технологии внедряются очень активно, и там используются совершенно другие методы, не как в столице. В Москве мы этого не видим, а в регионах, поверьте мне, это внедряется нагло, цинично, бесцеремонно, в том числе при участии иностранных граждан. Мне бы хотелось узнать, в чем заинтересованность иностранных граждан или иностранных неправительственных организаций во внедрении ювенальной юстиции в нашей стране? Извините, но я не верю, что они очень пекутся о судьбах России или о судьбах наших детей.

Ответ (А.С. Автономов):

Вы так спрашиваете, как будто я и есть тот самый иностранный гражданин. У нас точно также работают эмиссары Библейского общества, распространяют Библию, но у них, наверное, нет цели учить нас традиционным христианским ценностям. Но это же не означает, что Библию читать не надо. То, что у нас кто-то работает с целью что-то разрушить, иногда прикрываясь любыми святыми идеями, — это верно. Понимаете, природа не терпит пустоты. Если есть необходимость решения какой-то проблемы, и приезжает иностранец и говорит: «Я вам ее сейчас решу», — его и пускают туда. Нам надо самим активнее решать эти проблемы. А враги у нас, конечно, есть.

Вопрос (И.В. Понкин):

Задам вопрос в пространство. Коллеги, должны ли мы путать Автономова с Зыковым? Или путать Автономова с людьми, занимающимися пропагандой педофилии? Задавать ему все эти вопросы, мне кажется, это то же самое, что задать Е.М. Тимошиной вопрос, почему такая-то канадская организация тут у нас действует безнаказанно и прокуратура ею не занимается? Каждый из них может, в свою очередь, спросить: «А я-то здесь при чем?» Если вы посмотрите статьи А.С. Автономова, то увидите, что он нигде и никогда не выступал за

то, чтобы отбирать детей у родителей. Мы говорили о вопросах терминологии. Елена Михайловна говорит об одном понимании ювенальной юстиции, и я ее поддерживаю, за исключением некоторых частностей, а Алексей Станиславович говорит о другом понимании — он говорит только о судах. Я в своем выступлении их покритикую. Поэтому у меня вопрос ко всем: надо ли задавать докладчику вопросы, которые к нему отношения не имеют?

С.С. Сулакишин:

Скорее это вопрос ко мне, как к модератору, по порядку ведения. Отвечу так: мы не ограничиваем право задающего вопрос его сформулировать. А у докладчика есть право не отвечать, и он может им воспользоваться. Мне кажется, что у нас идет вполне конструктивный разговор, тревоги я не ощущаю.

Вопрос (Ю.С. Шевченко):

Есть ли аналог ювенальной юстиции в традиционной культуре? Есть ли нечто подобное в римском праве? Или это порождение XX в.?

Ответ (А.С. Автономов):

Смотря что вы понимаете под традиционными культурами. (**Реплика:** архаические культуры). Вот японцы свой синтоизм постарались создать на основе очень древних верований, как противовес буддизму, для формирования именно японской идентичности. Такой религии, как синто, до 1930-х гг. в Японии не было. Вот там это все довольно-таки хорошо работает. В римском праве отдельной ювенальной юстиции не было. И это порождение не XX, а XIX в., когда детей начали отделять от взрослых в местах лишения свободы. Отдельные коррекционные учреждения для детей стали появляться с начала XIX в. Потом постепенно сформировалось понимание, что надо вообще подробно разби-

раться с преступлениями. Вы прекрасно знаете, что у нас происходило, в том числе и в XX в., когда мнение, что детей нельзя судить, стало общепризнанным. А в XVIII в. иногда и животных судили, считая, что они могут быть виноватыми. Постепенно менялись представления о том, кто и в какой степени может осознавать свои действия. Хотя некоторое понимание того, что ребенок может все-таки не все до конца осознавать, появлялось и в XVII, и в XVIII в. — в эпоху Просвещения об этом писали и говорили. Но до создания для детей отдельной системы не то что перевоспитания, а, скажем, расследования и наказания не доходило. Считалось, что ребенок — это не совсем полноценный взрослый. Представлений о детской психологии не было.

Е.М. Тимошина:

Алексей Станиславович, ответьте мне, пожалуйста, на вопрос, который меня уже очень давно интересует. Согласно исследованиям Владимирского института Федеральной службы исполнения наказаний, в течение последних нескольких лет в 90% случаев несовершеннолетним назначается условное лишение свободы. Вы считаете, эта статистика говорит о том, что обычные суды все же несправедливы к несовершеннолетним преступникам?

Кроме того, согласно ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с выяснением общих обстоятельств, подлежащих доказыванию, устанавливаются: условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности его личности, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Вы полагаете, это не свидетельство индивидуального подхода к несовершеннолетнему преступнику? Или этого недостаточно? Чем обусловлена необходимость ювенальных судов и в чем недоработка, а может быть, несправедливость обычных?

А.С. Автономов:

В УПК и УК сказано, что такое справедливое наказание, но у нас иногда согласно некоей сложившейся тенденции по одним составам преступлений назначают условное наказание, по другим — не условное. В общем, слава богу, признали, что нельзя детей сажать в тюрьму — оттуда выходят настоящие преступники, даже если это места лишения свободы, отделенные от взрослых. Но проблема в том, что, скажем, по Московской области уровень рецидивов преступлений крайне высок. Если несовершеннолетнего наказывают условно, как вы же справедливо говорили, он зачастую не воспринимает это как наказание. На самом деле, с ним необходимо работать. Почему мы говорим, что недостаточно одной специализации судей, хотя это важный момент, нужен еще специалист по социальной работе, причем не просто социальный работник, у которого уровень несколько иной, квалификация другая. Это должен быть специалист, который сможет еще и в суде работать, который будет понимать свою особую процессуальную роль и много чего другого. Судья может частными определениями кого-то обязать предпринять какие-то шаги, потому что частное определение суда до сих пор имеет определенное значение, по крайней мере за пределами Москвы. Я знаю, что у нас многие областные уголовно-исполнительные инспекции не могут найти работу для преступников, но когда приходит частное определение, все же стараются это сделать, потому что им надо как-то ответить на него. Ребенка нельзя оставлять в такой ситуации, он должен попасть в хорошие руки — может быть, в церковь, в центр какой-то соответствующий. Главное, его надо вырвать из вредной среды, дать ему другое видение, другие возможности, другой опыт, в конечном счете.

Е.М. Тимошина:

А что мешает это сделать в рамках национальной системы защиты прав детей, без создания ювенальных судов?

А.С. Автономов:

Да ради бога, пожалуйста. Комиссия по делам несовершеннолетних тоже говорила о ювенальной юстиции, я не вижу здесь никакой разницы. Беда в том, что пока усилия разрозненны. Пока нет специалистов по социальной работе, которые понимают роль суда. Я сталкивался с педагогами, которых приглашают на допросы, в соответствии с УПК, но не все понимают, в чем суть дела и чем все может закончиться. Это должен быть специалист. Специалист по социальной работе должен корректировать свои действия с точки зрения права, а судья — с точки зрения психологии, понимания социальных условий. В этом сложность. Когда-то с этим справлялись — в 1960-е гг., но была несколько иная система: сказано — сделано, было много формализма, много другого, но, по крайней мере, никого не оставляли без внимания. А сейчас иная ситуация: несовершеннолетнего выпустили, дали ему решение, дали приговор суда, и — свободен! Только отмечайся в уголовно-исполнительной инспекции, и все. Но этого явно недостаточно!

Вопрос (М.В. Деева):

Меня интересуют два момента. Первое: что должно быть приоритетом — права ребенка или права родителей в случае конфликта этих прав?

Второе. Е.М. Тимошина говорила о том, что ювенальная юстиция очень плохо себя зарекомендовала в западных странах. Если не приводить в пример Японию, Алексей Станиславович, именно в отношении западных стран — согласны вы с этим или нет?

Короткий вопрос к Елене Михайловне: вы сказали, что 5 208 детей пострадали от семейного насилия в своих семьях. Есть ли какие-нибудь данные о том, были это приемные семьи или родные? Я знаю, что такие исследования проводились в западных странах, а есть ли у нас подобные исследования, подобные данные?

Ответ (А.С. Автономов):

Дело в том, что права ребенка и права родителя во многом совпадают. Могу привести в пример нашумевшее дело, когда в Германии решили не исполнять решения Европейского суда по правам человека. Это решение было связано как раз с правами ребенка. Некий родитель, не помню, был он женат на маме или нет, еще до рождения ребенка скрылся, и его не видели одиннадцать лет. Мама родила ребенка, вышла замуж, у них была прекрасная семья, появились и другие дети. Вдруг появляется биологический отец и говорит, что хочет, чтобы ребенок знал, что именно он на самом деле является его отцом. Его упрашивали не сообщать этого ребенку, но он настаивал, затем обратился в суд. Германские суды ему отказали. Ему говорили, что никто не знает — может, он снова исчезнет на одиннадцать лет. Мало того, что ребенок узнает, что тот, кого он считает отцом, — это не его папа, так еще будет шок, когда настоящий папа куда-то снова исчезнет. А Европейский суд по правам человека (где, кстати, нет специалистов по правам детей, в отличие от Германии, где таковые есть) сказал, что есть права родителя и ребенок имеет право знать, кто его настоящий отец. Германский суд выплатил истцу довольно большую компенсацию, но сказал, что с ребенком он до 18 лет все равно не встретится. Говоря об интересах ребенка, надо учитывать, что главный его интерес — находиться в нормальной семье. Это прежде всего. Поскольку я юрист, я считаю, что необходимо всегда конкретно разбираться с каждым случаем.

Что касается второго вопроса, о ситуации в Западной Европе. Дело в том, что, хотя там много говорят о кризисе, они нацелены на изменения, на совершенствование своей системы. Нам не надо об этом беспокоиться. Они видят свои проблемы не хуже нас и говорят открыто о них. Для чего? Чтобы эту ситуацию изменить. А мы говорим об этом, чтобы вообще ничего не делать. Вот в чем я вижу разницу. И она огромна.

Е.М. Тимошина:

Ну, а все-таки — все ли там хорошо? Существует ли там кризис ювенальной юстиции?

А.С. Автономов:

Что значит «все хорошо»? В каких-то странах есть кризис, в каких-то его нет. Вы приводите в пример Финляндию — там есть, во Франции кое-что поменялось, а про Швейцарию почему-то никто не говорит, хотя там два года назад приняли новый закон, который касается ювенальной юстиции. Там, наверное, меньше проблем, но об этом не упоминают.

Е.М. Тимошина:

Хочу немного дополнить картину информацией по Англии. Вот то, что недавно произошли бунты несовершеннолетних, — это результат либерализации прав детей. Их забирают в полицейский участок, но поскольку они дети, следуя ювенальному подходу, их отпускают. Они знают, что ничего им не будет. Совершенно правильно было отмечено, что именно на Западе много преступных группировок используют несовершеннолетних для совершения преступлений, очень тяжких преступлений, потому что им ничего за это не грозит. В нашей стране пока все-таки наказывают за тяжкие и особо тяжкие преступления, и несовершеннолетних могут поместить в соответствующую колонию.

Теперь по последнему вопросу. Есть данные, что 5 208 человек пострадало от насилия со стороны членов семьи, в том числе от насилия со стороны родителей — 4 044 ребенка, больше статистики нет. Если было официальное усыновление, то эти люди попадают в эту статистику.

Адаптация ювенальных технологий к российским условиям

Е.Г. Дозорцева

Поскольку мы говорим о ювенальной юстиции, важно определиться с терминами. А.С. Автономов понимает ее довольно широко: не только как правосудие для несовершеннолетних, включающее как уголовный, так и гражданский процесс, но и как систему социальных институтов, обеспечивающих реализацию судебных решений. В принципе, с таким определением можно согласиться. Однако такой целостной и развитой системы в России сейчас не существует, поэтому упреки в ее адрес по меньшей мере преждевременны. Скорее мы можем говорить о ювенальных технологиях, которые у нас разрабатываются и применяются. Но и здесь встречается разное понимание термина. Очень часто противники ювенальной юстиции утверждают, что ювенальные технологии — это отобрание государством детей у родителей по любым надуманным поводам, и связывают это с «наступлением ювенальной юстиции». Нужно прямо сказать, что подобная практика, в частности приводимые в СМИ конкретные примеры грубого вмешательства в семейную жизнь без достаточных оснований, никакого отношения к ювенальным технологиям не имеет. Действительно, органам опеки и попечительства нужно разрабатывать свою идеологию, свою методологию, свои формы прежде всего помощи семье, находящейся в сложной жизненной ситуации. Но пока четко сформулированных подходов и разработанного методического аппарата в этой сфере мы не знаем, а прямые заимствования зарубежных методик, инструкций без целостного осмысления российской ситуации могут быть неудачными

и дискредитировать идею. Говорить о каких-либо «ювенальных технологиях» в этой сфере, с моей точки зрения, рано, хотя продуманные и взвешенные подходы и технологии работы очень нужны.

Представляется, что в настоящее время термином «ювенальные технологии» следует обозначать исключительно технологии правовой, социальной, психологической работы с подростками-правонарушителями, подростками, отличающимися девиантным поведением, в судебной и внесудебной ситуации, в сфере профилактики правонарушений. Здесь есть реальные успехи, и в этих случаях мы можем говорить о внедрении элементов ювенальной юстиции в российскую практику. Но для такой работы нужны подготовленные специалисты. К сожалению, их очень не хватает. Мне, как судебному психологу, нередко приходится сталкиваться с непрофессионализмом в этой сфере, с дефицитом квалифицированных детских и подростковых психологов, особенно детских клинических психологов. Поэтому мы начали готовить специалистов по работе с трудными детьми и подростками на факультете юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета. Наши выпускники — психологи, обладающие правовыми знаниями и углубленной подготовкой в области клинической, возрастной, судебной психологии, психологии семьи. С первого курса они идут к детям и подросткам, находящимся в трудных жизненных ситуациях, а на пятом уже получают работу — в социальных приютах, специальных школах для подростков с девиантным поведением, в структурах организации «Дети улиц». Именно там, в практической работе, они получают представление о том, что нужно делать в тех или иных ситуациях, вырабатывают навыки этой деятельности.

Здесь справедливо было сказано, что в разных местах очень по-разному подходят к решению проблем ювенальной юстиции и ювенальных технологий. Мы тоже считаем, что

нужна унификация подходов, общая система, общие взгляды и позиции. Это касается и подходов судей к проблемам детей и подростков. К сожалению, знания детской психологии даже у тех судей, которые непосредственно занимаются делами детей и подростков, недостаточны. Потребность в таких знаниях есть и у следователей. Подготовка квалифицированных кадров и формирование продуманной целостной системы работы с социально проблемными детьми и подростками — задачи не только отдельных специалистов, но и всего общества.

Противники ювенальной юстиции часто говорят о ней как о вредоносном проекте, внедряемом в Россию Западом с целью остановить развитие нашей страны. Конечно, можно искать внешних врагов, но это не поможет нам решить наши внутренние проблемы. Несмотря на важность понятий, главное не в названии, а в содержании. Ювенальная юстиция — удобный термин, который в зарубежной практике относится к очень широкому спектру разнообразных систем. В некоторых из них есть существенные недостатки, в ряде — очень интересный положительный опыт. В качестве примера можно привести Швейцарию. Мы можем брать за рубежом что-то полезное, но это должны быть наши решения, наши технологии. Основные усилия должны быть направлены на то, чтобы с ребенком, с подростком, совершившим противоправные действия, работать воспитательными методами, помогая его социальной адаптации. Именно это продолжило бы российскую традицию ювенальной юстиции, о которой пишет в своей книге А.С. Автономов и которая берет начало в законодательстве России с 1897 года.

Необходимые меры по повышению защищенности семей от чиновничьего произвола

И.В. Понкин, доктор юридических наук

В своем выступлении я кратко остановлюсь на мерах, необходимых для решения комплекса проблем, обусловленных несовершенством законодательных гарантий защиты прав семьи и детей (права ребенка безотрывно от прав семьи) и произволом отдельных чиновников.

В целях повышения защищенности семей и прав ребенка и исключения юридически и фактически необоснованного лишения родительских прав или (и) отобрания несовершеннолетних детей у их родителей, а также для исключения злоупотреблений правами и должностными полномочиями соответствующими должностными лицами считаю необходимыми следующие меры¹:

1) разработка и принятие ряда регламентов действий органов опеки и попечительства, органов прокуратуры, иных государственных органов, а также органов местного самоуправления и муниципального управления в целях существенного сокращения их дискреционных полномочий:

- разработка и принятие Административного регламента исполнения государственных функций по участию в судебном рассмотрении дела о лишении родительских прав, в соответствии с п. 1 и 2 ст. 70 «Порядок лишения родительских прав» Семейного кодекса Российской Федерации, и по участию в судебном рассмотрении дела об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (об ограничении родительских прав), в соответствии с п. 1, 3 и 4 ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации²;

¹ Этот комплекс мер был предложен автором еще в 2010 г., но «воз и ныне там».

² П. 1, 3 и 4 ст. 73: «1. Суд может с учетом интересов ребенка принять решение об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их

- разработка и принятие Административного регламента исполнения государственной функции по изданию акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации о немедленном отобрании ребенка у его родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью и осуществлению органом опеки и попечительства на основании указанного акта немедленного отобрания ребенка, в соответствии со ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации³;
- разработка и принятие Административного регламента вынесения органами опеки и попечительства решения по обращению родителей ребенка, родительские права которых ограничены судом, с просьбой о разрешении контактов с ребенком, в соответствии со ст. 75 Семейного кодекса Российской Федерации;

родительских прав (ограничении родительских прав) ... 3. Иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен близкими родственниками ребенка, органами и организациями, на которые законом возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 70 настоящего Кодекса), дошкольными образовательными учреждениями, общеобразовательными учреждениями и другими учреждениями, а также прокурором. 4. Дела об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства».

³ Ст. 77: «1. При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится. Немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. 2. При отобрании ребенка орган опеки и попечительства обязан незамедлительно уведомить прокурора, обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав».

- разработка и принятие Административного регламента участия органов опеки и попечительства в судебных спорах, связанных с воспитанием детей, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту ребенка, в соответствии с п. 1 ст. 78 Семейного кодекса Российской Федерации⁴;
 - разработка и принятие Инструкции по проведению обследования условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, в соответствии с п. 2 ст. 78 Семейного кодекса Российской Федерации⁵ (лучше, если такая инструкция и указанные выше регламенты были бы утверждены постановлениями Правительства Российской Федерации);
- 2) установление мер ответственности за незаконное и (или) необоснованное вторжение чиновников в семьи и изъятие детей:
- внести в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с последующими изменениями) следующие изменения: в ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» уточнить предусмотренный этой статьей состав преступления в целях исключения произвольного толкования этой нормы, которое позволяет неправомерно вторгаться в семьи;
 - внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения: дополнить ст. 286 «Превышение должностных полномочий» новой частью (4) следующего содержания: «4. Деяния, предусмотренные частями

⁴ П. 1 ст. 78: «При рассмотрении судом споров, связанных с воспитанием детей, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту ребенка, к участию в деле должен быть привлечен орган опеки и попечительства».

⁵ П. 2 ст. 78: «Орган опеки и попечительства обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и представить суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора».

первой или второй настоящей статьи, если они повлекли необоснованное отобрание ребенка у его родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет»;

- внести в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с последующими изменениями) следующие изменения: в ст. 1 уточнить формулировку определения понятия «семья, находящаяся в социально опасном положении»⁶;
- внести в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (с последующими изменениями) следующие изменения — в ст. 1 уточнить и детализировать формулировки определений понятий «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» и «дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи»;
- внести в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» следующие изменения — в ст. 1 закрепить детализированное и существенно уточненное определение понятия «дети, проживающие в малоимущих семьях»;

⁶ В действующей редакции: «семья, находящаяся в социально опасном положении, — семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними».

3) уполномочить на рассмотрение дел об ограничении и о лишении родительских прав исключительно суды субъектов Российской Федерации и органы опеки и попечительства уровня субъектов Российской Федерации:

- внести в Семейный кодекс Российской Федерации следующие изменения — дополнить п. 4 ст. 73 словами «субъекта Российской Федерации» после слов «органа опеки и попечительства»⁷, а также дополнить п. 2 ст. 70 словами «субъекта Российской Федерации» после слов «органа опеки и попечительства»⁸;
- внести соответствующие изменения в законодательство о судебной системе Российской Федерации и о судопроизводстве;

4) существенно усовершенствовать законодательство об уполномоченных (федеральном и региональных) по правам ребенка.

Чьи права защищает ювенальная система?

Т.Л. Шишова

Прежде всего, хочу заметить, что «странные» изъятия детей из семьи под предлогом бедности, плохих жилищных условий и проч., как и предъявление родителям претензий, что они во всем и всегда виноваты, начались тогда, когда в нашей стране стали «обкатывать» непривычные,

⁷ То есть изложить в следующей редакции: «4. Дела об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства *субъекта Российской Федерации*». Тем самым решение этого важного вопроса поднимается на уровень регионов, муниципальные и местные государственные органы опеки и попечительства исключаются из этого процесса.

⁸ То есть изложить в следующей редакции: «2. Дела о лишении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства *субъекта Российской Федерации*».

странные модели защиты прав детей. Можно называть их ювенальными, можно иначе, это не принципиально. Главное — суть. А она такова, что в наши законы уже частично введены нормы, позволяющие таким противоестественным образом «защищать» детей, разлучая их с родителями и разрушая нормальные, неплохие семьи. Именно тогда, когда в России стали предприниматься попытки построения ювенальной системы, в законодательстве появилось расширительное толкование понятия насилия, жестокого обращения, появились широкие и достаточно неопределенные критерии, по которым детей можно изымать из семьи. Это все провоцирует дальнейшее нагнетание социальной напряженности, которая и так уже высока. В последние два года очень много людей, несмотря на попытки замолчать проблему, узнали о том, что на самом деле собой представляет ювенальная юстиция, и по всей стране начали проходить и до сих пор проходят акции протеста. Почти каждая попытка ювенальных структур отнять детей у нормальных родителей рано или поздно получает огласку. А это порождает дальнейший рост напряженности. Чтобы противостояние не возникало вновь и вновь, необходимо вернуться к нашему традиционному пониманию семьи и места детей в семье.

Крайне важен вопрос о домашних наказаниях. Мы не должны идти на поводу у Совета Европы, который требует отменить эти наказания. Сейчас появились новые рекомендации Совета Европы, которые будут обсуждаться там буквально на днях и в которых прямо написано, что необходимо изменить понятие семьи. А это означает признание гомосексуальных, лесбийских «семей» и прочих видов разврата. Мы должны как можно быстрее вернуться к нашим традиционным представлениям, ввести ответственность органов опеки за незаконное изъятие детей и подтасовку документов.

Нам известно довольно много примеров такой подтасовки. Взять хотя бы дело Агеевых, которых ославили на всю страну, объявив страшными преступниками, а потом оказа-

лось, что все обвинения базировались на поддельных фотографиях. Людям разрушили всю жизнь, детям тоже. И никто за это не понес ответственности! Недавно произошла дикая история в Балашихе, когда у матери без достаточных оснований отняли ребенка, в приемной семье его избивали, а когда это стало известно, полиция отказалась возбуждать уголовное дело против опекуныши, заявив, что девочка сама себя побила и покусала за спину.

Хочу также обратить ваше внимание на то, что, несмотря на заверения, что ювенальную юстицию у нас не вводят, наблюдаются попытки провести такие поправки в законодательство, которые умаляют роль родителей и их влияние на детей. К примеру, законопроект об охране здоровья предлагает легализовать детское донорство. У нас оно пока не разрешено. Если норма, разрешающая изъятие детских органов, останется в законе, то легко просматривается следующая цепочка действий. В России сейчас под разными предложениями стараются собрать максимальную информацию о здоровье детей, чему немало способствуют так называемые «паспорта здоровья школьников», «паспорта репродуктивного здоровья» и т. п. Далее ребенок «под заказ» изымается из семьи (сделать это теперь, как я говорила, гораздо легче благодаря «резиновым» формулировкам и критериям), объявляется оставшимся без попечения родителей, их обвиняют в ненадлежащем воспитании, сопряженном с жестоким обращением, или в насилии над ребенком и лишают родительских прав. Дальше с ребенком случается ЧП, и администрация детского дома дает согласие на изъятие его органов. А можно изъятую ребенка отдать на международное усыновление, и судьба его затем, вполне вероятно, останется неизвестной. Так, к примеру, произошло с 1260 российскими детьми, переданными на усыновление в Италию. Удалось разыскать следы только троих детишек. Где остальные — бог весть. А итальянский министр юстиции, выступая в СМИ, признался, что в Италии каждый день пропадает порядка 8 детей-сирот, не толь-

ко из России. И что в этой стране всюду орудуют «черные трансплантологи».

Учитывая коррупцию в сиротских учреждениях и моральную деградацию нашего общества, сейчас нельзя допускать легализацию изъятия детских органов. Нельзя в принципе! Тут возможны страшные, тяжкие и непоправимые злоупотребления. Но эта норма даже не обсуждается в медицинском сообществе.

Далее, в законопроекте об охране здоровья пытаются легализовать принудительные аборт и принудительную стерилизацию. Совершенно очевидно, что это фашистская норма. Принудительная стерилизация была осуждена на Нюрнбергском процессе. Что же получается? Мы, страна, победившая фашизм, сами становимся фашистами? Кто будет у нас в группе риска? Многодетные, если кто не в курсе, входят в группу риска.

Умалает роль родителей и то, что в нашем действующем законодательстве девочка с 15 лет может делать аборт без уведомления родителей. Никакие правозащитники, которые продвигают ювенальную юстицию, не выступают против этой нормы. Новый проект закона об охране здоровья оставляет эту норму в силе. В законопроекте предусмотрена возможность медицинского вмешательства для детей с 15 лет без ведома родителей. То есть детям предлагается самим решать вопросы своего здоровья, в том числе им предоставляется право на аборт. Минздрав даже давал разъяснение, что эта норма соответствует международным нормам, что в некоторых странах дети с 12 лет самостоятельно решают вопросы своего здоровья. Попутно замечу, что в этих некоторых странах (например, в Швейцарии) начали выпускать презервативы для 12-летних подростков, чтобы они совсем уж беспрепятственно «решали вопросы своего здоровья». Я только никак не могу понять, до каких пор мы будем оглядываться на эти страны? Идеологи детского разврата, разрушения семьи и сокращения «лишнего населения» уже давно декла-

рировали, что ребенок должен иметь право на сексуальную жизнь с 5-летнего возраста (а кое-кто говорил, что и раньше), и последовательно идут к заветной цели. Но я убеждена, что подавляющее большинство людей в нашей стране не считает такую цель заветной.

Еще в нашем действующем законодательстве так хорошо «защищают» права детей, что наркоман с 16 лет сам решает, лечиться ему от наркомании или нет. Совершенно очевидно, что в этом возрасте никакой подросток, едва вкусивший «прелести свободной жизни», не хочет лечиться, а хочет продолжать в том же духе. В результате у родителей связаны руки: они ничего не могут поделать и вынуждены с ужасом наблюдать, как ребенок гибнет у них на глазах. Сторонники ювенальной юстиции, среди которых есть, между прочим, и наркологи, насколько мне известно, никогда не выступали против такой страшной защиты права ребенка на смерть. И наоборот, норовят вставить палки в колеса, как только заходит речь о принудительном лечении наркоманов.

В завершение выступления я еще раз подчеркиваю, что необходимо с особым вниманием отнестись к законопроекту об охране здоровья, а также призываю всеми силами стремиться возродить традиционную нравственность, традиционную семью.

Проблема ювенальной юстиции с точки зрения детского психиатра

Ю.С. Шевченко, доктор медицинских наук

Безусловно, проблема есть и необходимо что-то делать. Достаточно ли оснований надеяться на то, что проблема может быть решена с помощью рассматриваемого проекта? Существуют ли другие варианты решения? Могут ли они быть

дешевле? Возможно ли совершенствовать существующую юридическую систему, а не «менять шило на мыло»? Даже если ювенальная юстиция оправдала себя в некоторых странах, что не бесспорно (у меня есть сведения, что многие семьи в Америке плачут от этого, так же как и учителя), есть серьезные опасения, что российский аналог, подобно отечественным автомобилям или лекарствам, окажется абсолютно недоброкачественным.

В России любой социальный проект легко становится кормушкой для криминально-бюрократической мафии. Я только что пришел с защиты диссертации, которая была посвящена наркомании в Таджикистане, где сравнивались таджики и славяне. Научно доказано, что отсутствие профессиональности и традиционной семейной иерархии поколений достоверно ухудшает динамику наркомании, поведенческих нарушений, психологического здоровья детей и подростков. Усугубление этой ситуации в связи с введением ювенальной юстиции именно здесь и сейчас грозит тем, что наши дети отправят своих родителей на скамью подсудимых в течение года. Во всяком случае, половина моих пациентов легко могут это сделать — кто по наивности, кто по болезни. Конечно, вскоре они могут об этом пожалеть, но будет уже поздно. Чтобы не столкнуться с тем, что «хотели как лучше, а получилось как всегда», следует подходить к данному вопросу профессионально и комплексно, не доверяя энтузиастам из центра «Озон» и прочим организациям. Делать это необходимо научно доказательно, в том числе с помощью региональных экспериментов, а мы привыкли внедрять понравившиеся проекты сразу во всей стране, а потом кусать локти. Кстати, на Камчатке один образовательный проект уже вызвал волну протестов — там ввели новую технологию изучения литературы. Ну и наконец, я согласен с ведущим, что принцип «не навреди» здесь должен быть определяющим.

Введение ювенальной юстиции — неизбежный выбор цивилизованного государства

И.Н. Гаврилова, доктор исторических наук

Я выступлю прежде всего как историк. Грустно, конечно, наблюдать ситуацию, когда в нашей стране активно борются с тем, чего нет, тогда как стоило бы направить все силы и энергию на решение имеющихся крайне острых проблем, а таких у нас очень много. И это, можно сказать, тот диагноз, который вполне можно поставить нашему социуму, нашему обществу. Государство обречено, если активная часть общества прилагает столько усилий, чтобы не допустить прогресс, стремится к изоляционизму, к патриархальности. Но начну, может быть, издалека. Я недавно участвовала в качестве эксперта в двух проектах, касающихся межнациональных отношений. Все вы знаете, что проблема межэтнических отношений стоит необычайно остро, даже искрит порой. И мне все время задавали вопрос в ходе интервьюирования: а можно ли улучшить ситуацию путем совершенствования национальной, миграционной политики? Я всегда на это отвечала: нет, нельзя, так как нельзя совершенствовать неверную политику, это приведет к плохим результатам, надо просто менять политику в этой области и уже потом ее совершенствовать. Некоторые вещи априори нельзя улучшить, их надо просто отбросить в сторону как негодные и начать строить нечто новое, на нормальной, здоровой основе. Так и здесь — я уже не первый раз слышу от разных выступающих, что нам необходимо совершенствовать то, что у нас имеется на данный момент, в частности работу с детьми, семьями. Но на самом деле это не так: если уж проблемы столь остро стоят в этой сфере жизнедеятельности (а негативные примеры были приведены выступавшими), если нас не устраивает нынешняя ситуация с обеспечением прав детей и их родителей, то надо кардинально решать эти проблемы.

А кардинальные решения могут быть только системными. Именно поэтому и ставится вопрос о введении ювенальной юстиции, поскольку это дает возможность *системно* решать проблемы. Хорошо, не нравится кому-то этот термин — примените другой, хотя и этот неплох. Но что нам мешает использовать позитивный опыт других стран? И учесть ошибки других стран, чтобы их не повторять? Это не очень умно — не использовать то позитивное, что накоплено в мире, проверено временем и т. д. Хорошо, мы понимаем нашу специфику и, конечно, должны ее понимать, но мы и должны делать так, как нам самим лучше, как нам нужно. Но кто же нам мешает своими силами создать то, что будет хорошо работать, построить ту систему охраны детства, которая нас будет устраивать? Не на это ли стоит направить наши усилия? Тут я не могу, как историк, не вспомнить, каким был один из первых шагов Шарля де Голля после окончания Второй мировой войны. Он как раз таки ввел систему ювенальной юстиции, потому что тогда, после войны, было много разрушенных семей, много беспризорников, много сирот осталось, и стране необходимо было решать эти проблемы. И они их тогда решили. Что касается нынешнего французского опыта, могу сказать, что я отнюдь не разделяю точку зрения, что это самый хороший опыт с ювенальной юстицией. Там очень много перегибов, много негативного накопилось, безусловно, так же как и в Финляндии. Они сами об этом говорят и наверняка решат свои проблемы, но вряд ли отбросят вообще систему ювенальной юстиции, поскольку без этого не обходится ни одно демократическое правовое государство. Мы слышали и о позитивном опыте других стран. Но о нем стараются не вспоминать, когда критикуют ювенальную юстицию.

Есть разные эксперты, и можно по-разному изучать зарубежный опыт, но при желании можно найти хорошее и в зарубежном, и в нашем собственном опыте; можно даже говорить в некотором роде о восстановлении ювенальной юстиции в современной России. Но мне кажется абсурдным,

когда априори отторгается нечто, что даже не осознается или заведомо искажается. Это когда нечто сначала мифологизируется, создается его искаженный образ, совершенно не соответствующий сути явления, при этом выдергиваются некоторые вещи из контекста, не очень грамотно препарируются, а потом все преподносится так, что это и есть якобы система ювенальной юстиции! Ругают при этом ювенальную юстицию в России, хотя она так и не введена у нас (и напрасно не введена, опыт в ряде наших регионов, в которых в виде небольшого эксперимента были применены ювенальные технологии, показал очень хорошие результаты, например, в разы снизилось число рецидивов в подростковой преступности). Но при этом многие оппоненты даже в приближении не понимают, что это такое вообще — ювенальная юстиция. Я же считаю, что к здравым вещам зачастую не прислушиваются, серьезно к этому не подходят, создаются какие-то мифы, с которыми человеку предлагают бороться, но не предлагают понять, изучить и применить лучшее из наработок. Скажите, а зачем с ювенальной юстицией надо бороться, если ее и так нет у нас? И разве ее сторонники выступают за изъятие детей из семей? Нет, ничего подобного. Хотя иногда это бывает просто необходимо. Когда я узнаю из СМИ, что в какой-то деревне ребенка держали на цепи, то считаю, конечно, что из такой «семьи» ребенка надо изымать. Причем срочно, не дожидаясь решения суда. Что бы там ни говорили о том, что родители всегда отвечают за своего ребенка, что без их согласия ничего нельзя решать, что нет у ребенка никаких отдельных прав, с этим невозможно порой согласиться. Таких чудовищных случаев у нас уже немало. Но основной докладчик уже говорил о том, что у ребенка есть особые права. И одно из основных прав ребенка — право на семью. Но на нормальную семью, а не ту, которая его истязает или убивает.

Если переходить к объективным фактам, подтверждающим необходимость введения в нашей стране системы ювенальной юстиции, а они, конечно, нужны, то могу сказать, что в Ростов-

ской области действительно рецидивная преступность молодежи снизилась. Это реальные факты. И потому считаю, что те, кто столь яростно борется против ювенальной юстиции, тянут нашу страну назад, если не в пропасть. Введение ювенальной юстиции — ныне неизбежный выбор любого цивилизованного государства, а тот, кто выступает против этого, просто не может называться цивилизованным человеком.

Необходимо оградить семью от чрезмерного контроля со стороны государства и неправительственных организаций

А.Н. Титушкин

О негативных последствиях внедрения ювенальной юстиции довольно подробно рассказала Е.М. Тимошина. Здесь прозвучали слова, что существует положительный опыт внедрения ювенальной юстиции в Швейцарии — это неправда. В некоторых кантонах Швейцарии официально разрешено семьям гомосексуалистов усыновлять детей. С точки зрения христианства это недопустимо.

Печальный опыт внедрения ювенальной юстиции у нас в регионах тоже существует. Давайте не будем рассуждать о том, что означает ювенальная юстиция и о других подобных вещах, это не важно. Налицо факт того, что сейчас в нашей стране действуют некоторые формы контроля и давления на семью. Это пытаются делать как государственные власти, так и какие-то неправительственные организации. Русская православная церковь разделяет озабоченность людей, которые опасаются создания фактически неподконтрольного другим органам власти и обществу института, с обширными полномочиями и возможностью безапелляционного вмешательства во внутренние дела любой семьи, имеющей детей. Святейший

патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая на открытии проходившего 25–26 мая 2010 г. в Москве XIV Всемирного русского народного собора, заметил: «Никто не должен решать за родителей, какого мировоззрения должны придерживаться дети, каков должен быть их образ жизни — должны ли они, к примеру, соблюдать пост, исполнять обязанности по дому, придерживаться определенных норм в общении с противоположным полом, а до определенного возраста — физически ограждаться от опасных и вредных поступков. Убежден, что поднятый вопрос должен стать предметом широкой общественной дискуссии. Родители, педагоги, медики, политики, сотрудники правоохранительных органов, представители традиционных религий должны вместе и публично решать, какие меры необходимо принимать для защиты детей и где должны пролегать границы государственного вмешательства в жизнь семьи. Призываю каждого из вас потрудиться на своем месте ради защиты детей и сбережения семьи».

В принятой Собором Резолюции говорится: «В ситуации, когда возможен выбор между преодолением семейных конфликтов на судебной или на духовно-нравственной основе, можно и нужно уберечь семью от вмешательства государственных или судебных инстанций. Общины верующих всегда были средой, в которой сглаживались семейные конфликты, гарантировалась защищенность детей, преодолевались последствия сиротства и беспризорности. Сегодня реабилитационные центры, приюты, центры психологической поддержки, созданные Русской православной церковью и другими традиционными религиозными общинами России, успешно решают вопросы воспитания сирот, реабилитации малолетних преступников, обращения на путь ответственной жизни “трудных” детей или проблемных родителей. Именно этот опыт является сегодня той самой альтернативой, которая должна быть учтена нашим обществом при обсуждении темы ювенальной юстиции и границ вмешательства государства в жизнь семьи».

Считаю, что органы опеки должны жестко контролироваться не только государственными чиновниками, среди которых нередко встречаются недобросовестные люди, но и общественными организациями. Действия органов опеки должны быть прозрачными. Всякий вопрос изъятия ребенка из семьи, когда действительно родители совершают уголовно наказуемые преступления по отношению к ребенку, должен решаться только в суде. Нашим законодательством уже сейчас позволено органам опеки изъять ребенка во внесудебном порядке. На мой взгляд, это неправильно. Еще раз повторю, что такие вопросы должны решаться только в суде, и это должен быть суд присяжных, поскольку это должны быть люди, никак не связанные с нашей государственной бюрократией.

Сторонники внедрения ювенальной юстиции в нашей стране уверяют нас, что не собираются ее вводить по западному образцу. Но в регионах ювенальная юстиция вводится по модели западных стран. Нам говорят, что никто не хочет изъятия ребенка из семьи, но судя по представленным данным — это происходит.

Наша страна уже устала от перемен, мы все время что-то меняем. Давайте наше нынешнее законодательство приведем в порядок. У нас есть определенные сценарии, когда действует Уголовный кодекс по отношению к несовершеннолетним. Есть порядок, когда Уголовный кодекс действует по отношению к их родителям, если они совершают какие-то противоправные действия по отношению к своим детям.

Все же прекрасно понимают, что систему ювенальной юстиции продвигает Запад. Почему он ее продвигает? Потому что в Европе сейчас идеология не просто антихристианская, она античеловеческая. Это экзистенциализм, который сейчас возведен в стандарт, и всем внушается, что это нормально. Это и педофилия, это и пропаганда разнузданности и безнравственности, в том числе и в сексуальной жизни. И для того, чтобы все это насадить в обществе, нужно взять человека под максимальный контроль, а самое главное — *идео-*

логически его подавить. В Европе сейчас уже не демократия, там почти полудиктаторские государства, где большинство людей боятся что-то сказать «нетолерантное», потому что их могут признать фашистами, гомофобами, извращенцами или еще кем-нибудь.

Т.Л. Шишова совершенно справедливо отметила, что наши органы опеки не проявляют активности тогда, когда действительно требуется их вмешательство — когда приходят непонятно какие сектанты в школу, или когда в образовательных учреждениях пропагандируется проституция, или издаются учебники, в которых откровенно оправдывается педофилия. Все молчат, всё нормально — у нас свободная страна. Я абсолютно согласен с А.С. Автономовым, когда он говорит о том, почему приходят эти технологии псевдовоспитания детей в нашу страну. Потому что в системе воспитания детей присутствует некий духовный вакуум. Большинство наших граждан оторваны от духовно-нравственных ценностей нашего народа. И появляются какие-то дяди и тети, которые говорят, что жить надо так-то и так-то. Это неправильно. Мы действительно должны вернуться к нашим духовно-нравственным ценностям, которым тысячи лет и которые поддерживаются всеми традиционными религиозными конфессиями — и христианами, и мусульманами, и иудеями.

Оценка проекта «Ювенальная юстиция» (почти по Маяковскому)

А.И. Хвыля-Олинтер, кандидат юридических наук

В своем выступлении я попытаюсь оценить российский вариант проекта «Ювенальная юстиция» почти по Маяковскому — задавшись вопросами, что такое в нем хорошо и что такое в нем плохо.

Существует несколько моделей ювенальной юстиции: англо-американская, континентальная, скандинавская и др. В настоящее время сторонники ювенальной юстиции отстаивают не просто введение «ювенальных судов», а именно создание комплексной «ювенальной системы».

Проект «Ювенальная юстиция в России» официально имеет целью:

- создание ювенальных гражданских судов;
- построение особой системы исполнения наказания в отношении несовершеннолетних;
- решение социальных вопросов, связанных с несовершеннолетними, лишенными родительского попечения, в том числе и в случаях лишения родителей родительских прав;
- придание *широких* полномочий социальным службам, которые будут контролировать родителей и исполнение ими родительских обязанностей, в том числе и по обращениям самих детей;
- охват медицинских вопросов, в частности сексуальное просвещение детей и планирование семьи.

Тут предлагалось взять из «ювенальной юстиции» все лучшее и использовать это. Однако дело в том, что таковым путем можно оправдать даже убийство, потому что убийство фактически есть освобождение от всех болезней. А последнее ведь очень хорошо само по себе. Поэтому давайте внедрять убийство в наше общество. А ювенальная юстиция — покушение на убийство традиционного института семьи.

Хочу обратить внимание на то, что вопрос ставится именно о комплексной ювенальной системе. И ей, ни много ни мало, придается статус юстиции! Однако в обществе есть много различных групп риска: пенсионеры, умирающие, эмигранты, инвалиды, одинокие. Так создадим для каждой из этих групп свой вариант юстиции. Это, очевидно, будет абсурдно. Что же тогда будет с институтом российской юстиции как таковым? Термин «юстиция» совсем не такой, кото-

рым можно столь легко играть. Здесь уже говорилось о ювенальных технологиях, которые являются хотя и важным, но, по сравнению с «юстицией», частным вопросом.

Второе важное обстоятельство. Проект «Ювенальная юстиция», по сути, есть эксперимент в уникальном пространстве России (не только территориальном, но также этнокультурном и правовом). Об этом забывать опасно. Раз мы имеем дело с экспериментом, как можно его таким путем внедрять, как у нас происходит? У нас революции уже были и заканчивались неисчислимыми жертвами. В России и так слишком много экспериментируют над населением, особенно над молодежью. Что же хотят сделать у нас в ювенальной сфере? Мы все здесь хорошо знаем, что к чему.

Прежде всего настораживает то, что независимость семьи ставится под угрозу, «модернизируются» детско-родительские отношения. Покушаются и на естественные права родителей. Это очень важный момент — естественные права родителей. И, конечно, появляется неограниченная возможность для вмешательства в дела семьи. Не только резко ослабляется и переворачивается с ног на голову связь между детьми и родителями, но и между ними вклиниваются всякие модераторы и манипуляторы. А это игнорирование конституционного принципа защиты семьи. Надо отметить, что в православии семья считается «малой церковью», т. е. одним из краеугольных элементов общества. Социальные традиции в первую очередь сохраняются и передаются именно через институт семьи. Поэтому покушение на семью следует расценивать как попытку разрушить традиции, культуру, общество.

От новаторских ювенальных технологий во многих странах уже пострадали миллионы детей и родителей, масса чиновников кормится за счет этого. Тем не менее обнаруживаются все новые отрицательные последствия. Что же нас ждет на подобном пути? Вспомните проблему эвтаназии. По ее поводу много ломалось копий. Если бы была создана индустрия эвтаназии, то на каждом углу, рядом с парикмахерской

и пивным ларьком, была бы контора, призывающая к эвтаназии. Здесь будет то же самое. Повод для вмешательства ювенальных органов при необходимости можно найти в жизни почти каждой семьи. Про негативный опыт Франции уже сообщалось. Видите, какие тут цифры: в 2002 г. — более 2 млн пострадавших родителей и детей, в 2007 г. — 50% детей отнято противозаконно. Здесь подробно освещали эту ситуацию. Очень уязвимыми становятся многодетные малообеспеченные семьи. А это затрагивает ключевые интересы всех тех семей, которые придерживаются традиционных религиозных ценностей. Очевидно, что православные и мусульмане отвергнут такие «инновационные» ювенальные технологии. Например, в УК Чеченской республики (целиком основанном на исламских традициях) зафиксировано, что любые чужеродные вмешательства в дела семьи уголовно наказуемы.

Таким образом, отрицательные последствия обсуждаемой системы предельно очевидны. Особенно в нашей стране.

Мне приходилось принимать участие в создании УК, УПК, и я на практике убедился, что невозможно без соответствующей идеологии создание систем такого масштаба, вообще любых качественных правовых систем, независимо от того, в какой степени они нужны. А ведь здесь затрагиваются жизни людей, социальных групп, народов. Поэтому начинать надо с Конституции. Это, по-моему, краеугольный камень. Без высших позитивных идеалов, заложенных в Конституцию, в обществе и государстве нет: объединяющей цели; эффективной политики; единой правовой системы; единой системы образования; единой системы социальных программ. Без высших позитивных идеалов у общества и государства нет будущего!

Есть еще одна проблема, связанная с проектом «Ювенальная юстиция». Она обусловлена внедрением в российскую судебную практику положений Конвенции о правах ребенка ООН. Однако они зачастую противоречат Всеобщей декларации прав человека. Например, в ст. 26, п. 3 Деклара-

ции сказано: «Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей». Конвенция основана на либеральной юриспруденции: полная автономия детей, приравнивание прав детей к правам взрослых. Например, ст. 13, п. 1: «Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка». О праве родителей как-то контролировать материалы, попадающие в руки ребенка, не говорится ничего. Это касается и права учителей и школьной администрации влиять на содержание не только школьных программ, но и, скажем, школьных стенгазет или театральных постановок. Ст. 14, п. 1: «Государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии». Детский сад ставится выше Академии наук? Конвенция направлена на существенное ущемление прав и общественного статуса семьи, на ограничение возможностей для родителей воспитывать своих детей согласно своим убеждениям, прежде всего религиозным.

Как же занимательно формулируются в ювенальной юстиции некоторые положения о правах ребенка. С одной стороны, у родителей есть приоритет в выборе образования, с другой стороны, в соответствии с нормами ювенальной юстиции у ребенка есть право на свободу мысли, совести и религии (ст. 14, п. 1). Получается, что сотрудник органов ювенальной юстиции в ходе беседы с ребенком выявляет его взгляды на религиозные, мировоззренческие, философские, нравственные, культурные и иные проблемы, а затем требует от родителей поддержки этих взглядов?

Очень важный вопрос, который любого верующего прежде всего интересует: какая духовность управляет этим «ювенальным» натиском? Надо быть наивным, чтобы не задаваться этим вопросом и не видеть ответа. Или это просто

выгодно — из-за карьеры или других факторов — не замечать этой проблемы, не видеть всего этого, откуда что идет. Здесь мы сталкиваемся с образом жизни человека, семьи, народа и общества. Созидательные традиционные ценности предлагают свой путь. Ювенальная юстиция навязывает нам противоположный путь — семья вообще исчезает, а на место взрослого, зрелого, опытного человека становится ребенок, несовершеннолетний, несформированный, наивный, необразованный. Он не способен задуматься над стратегическими задачами. Но вот высказывание П.А. Столыпина: «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в навоз, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы» (речь П.А. Столыпина; 5 мая 1908 г.; Государственная дума).

Здесь некоторые скептически воспринимают мои слова, но, тем не менее, это факт. Вот такая конечная цель в никуда. В качестве примера того, куда ведет эта широкая дорога, служит скандально известный проект «Детство-2030». Оказывается, что семья — это многообразная форма совместной жизни, совместных браков, в том числе, конечно, и однополых. Дети, оказывается, сами выбирают свой путь развития и заранее объявляются компетентными в этом. Этот проект прошел через Общественную палату, за ним стоят большие средства и ресурсы. Вот откуда ювенальная юстиция появляется. Вот такое будущее нам готовят те, кто равнодушен (или враждебен) к судьбам нашей страны.

Вспомним, что без высших идеалов ничего нет. Без Конституции, которая здесь разрабатывается, ничего не будет, по сути. Ответственные политики заботятся об укреплении традиционных духовных ценностей. Например, президент России Дмитрий Медведев в приветственной телеграмме участникам Рождественских образовательных чтений, которые прошли в Москве в январе 2011 г., отметил: «Вам предстоит обсудить важную для современной России тему — сотрудничество Русской православной церкви и государства.

Сегодня от их совместных усилий во многом зависит консолидация нашего общества, укрепление традиционных духовных ценностей, поддержание гражданского мира и межнационального согласия.

Особого внимания требует просвещение молодежи. Необходимо прививать новым поколениям идеалы нравственности и патриотизма, воспитывать в них уважительное отношение к истории Отечества, к культуре русского и других народов нашей страны.

Все это имеет фундаментальное значение для дальнейшего развития России. Рассчитываю на продуктивную совместную работу — во имя общих целей».

Вот на подобной стратегии надо строить новую Россию.

Внедрение ювенальных технологий — путь к социальной дестабилизации

В.Е. Хомяков

Прежде чем строить что-то новое, необходимо понять, почему старое перестало работать. У нас была одна из самых лучших в мире систем работы с детьми, у нас было специализированное правосудие для детей, ограничение по возрасту при наказании за определенные преступления. Почему это перестало работать? Не только потому, что государство перестало давать деньги на эти цели, но и потому, что работала эта система в сочетании с другими системами, в комплексе. Была молодежная политика, которой сейчас нет. Была система воспитания граждан, которой сейчас нет. Были определенные установки, которые транслировались через СМИ, этих установок тоже больше нет.

Тогда наше руководство решило пойти самым простым путем, чтобы не восстанавливать все, что нужно восстано-

вить. А именно — решило позаимствовать чужую систему, которая якобы где-то работает. Каковы первоисточники этого процесса? Первоисточники, как это ни прискорбно, содержатся в Конституции. Есть две статьи в Конституции, о которых необходимо сказать. Часть 2 статьи 13 — это отказ от государственной идеологии, т. е. от права России иметь собственные ценности. Тот, кто не имеет собственных ценностей, не имеет собственного пути развития и не имеет собственной нравственности, поскольку нравственность всегда соответствует ценностям. Фактически в Конституции заложена безнравственность. Это надо как-то исправлять. Второй источник — статья 15, которая устанавливает приоритет международного права и соглашений над национальным правом. Это тоже не будем забывать. Поэтому внедрение ювенальной юстиции в России — это не какая-то необходимость, а желание, почти обязанность соответствовать неким международным нормам и конвенциям. Это *обязанность*. Необходимо понимать, что это *внешнее принуждение*. То есть внедряются соответствующие положения Конвенции по правам ребенка.

Никто не занимался адаптацией системы защиты детей к нашим ценностям, культуре и т. д. За основу берется Конвенция по правам ребенка и те права ребенка, которые сформулированы в рамках совершенно другой цивилизации, совершенно другой культуры. Когда нам говорят, что права ребенка нарушаются, если ему не разрешается смотреть порносайт, — это нарушение прав ребенка *по-европейски*, любой европеец вам это подтвердит, но у нас это не так.

Дальше — на чьи деньги внедряется эта система? В 40 регионах, и это говорилось не раз, введены в той или иной форме ювенальные суды. В 40 регионах! При этом — мы делали запрос в Минюст — ни одного рубля бюджетных денег на это не пошло. Как финансируются эти суды? Они финансируются с помощью грантов, через губернаторов. И это при том, что Конституция категорически запрещает финансирование

судебной системы из небюджетных средств. То есть происходит грубейшее нарушение Конституции. Как известно, кто платит деньги, тот заказывает музыку.

Далее — целостность этой системы. Правильно было сказано, что речь не только о ювенальных судах, не только об облегченной процедуре наказания несовершеннолетних. Вовсе не об этом. На парламентских слушаниях, о которых я уже упоминал, один выступающий совершенно четко сказал: «Что вы дурака валяете? Честно скажите, что ювенальная система — это целостность. Это не только юстиция, не только суды. Это система омбудсменов, это система сбора информации и т. д. ...Это все будет внедряться, хотите вы того или не хотите». Речь идет не только о фактической безнаказанности ребенка за любые преступления до 18 лет. Я лично видел рекомендации ЕС, что и за терроризм на Северном Кавказе нельзя сажать в 17 лет, ребенок ведь не понимает, что бомбу закладывать нехорошо и голову отрезать тоже, ему надо объяснить это. Это система полного, тотального контроля над семьей. Это сбор полного досье на каждую семью и возможность для чиновников и представителей так называемых некоммерческих организаций вмешиваться в дела любой семьи, это возможность изымать любого ребенка из любой семьи по признаку ненадлежащего воспитания, ненадлежащего содержания. Под ненадлежащими понимаются *любые* методы воспитания: поставил в угол, повысил голос на ребенка, назвал ребенка дураком — все, оснований для изъятия достаточно, это семейное насилие. Ненадлежащее содержание — это бедность прежде всего.

Все происходящее можно назвать совершенно аморальным, при том что государство шаг за шагом отказывается от своих социальных обязанностей. Откуда у государства моральное право изымать детей за ненадлежащее содержание, если оно само не выполнило своих обязательств перед семьей? В этом парадокс, и это основа для серьезной социальной дестабилизации.

Какие могут быть последствия?

Во-первых, могут быть очень серьезные криминальные последствия, т. е. массовое вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, а именно — в совершение тяжких преступлений, в торговлю наркотиками, в террористическую деятельность. При этом детям будут объяснять, что до 18 лет они совершенно безнаказанны. Социальное положение многих людей ухудшается, и ребенок будет не против «посадить на иглу» своих одноклассников, чтобы «помочь своей семье».

Следующее — общественная дестабилизация. Вспомним Францию: практически в каждой банде, которые жгли машины, был хотя бы один несовершеннолетний, который брал вину на себя. В результате никого не посадили.

Далее — коррупционная составляющая. Уже существуют организованные преступные группировки и легальные фонды, которые изымают детей и требуют деньги за их возвращение. Создается система контроля над личностью, которая даже не снилась ни одному тоталитарному обществу. Еще одна сторона — криминальный бизнес, связанный с коммерческими усыновлениями, в том числе международными. На право усыновлять детей рассчитывают и гомосексуалисты, добиваясь легализации однополых браков. В России есть колоссальные перспективы для рынка усыновлений. Это все звенья одной цепи.

И наконец, государственная безопасность. Тотальный контроль над любой семьей позволяет контролировать бизнесменов, чиновников, офицеров, генералов и т. д. Дети есть у всех.

Итак, возвращаясь к началу, прежде чем изобретать систему защиты прав детей, неплохо бы сформулировать их права, исходя из наших ценностей. Кроме того, обязанности ребенка также нуждаются в проработке и законодательном закреплении, не только права. Это первое. Во-вторых, абсолютно согласен, что надо защищать не права ребенка, а права

семьи, причем при условии выполнения государством своих обязательств. И, наконец, третье — необходимо восстановить разрушенную систему молодежной политики, детских организаций. Пусть они будут деидеологизированы, не будут коммунистическими, но они должны существовать. Без этого любая система защиты прав детей не будет полноценно функционировать.

Разрушительные механизмы ювенальной юстиции

Л.О. Павлова

Мне хотелось бы выразить благодарность Центру за этот круглый стол. С 2006 г. я и многие люди, работающие в области защиты прав ребенка, ожидаем государственного доклада «Положение ребенка в Российской Федерации», который в соответствии с законом должен ежегодно делаться Федеральным собранием. С 2006 г. этого доклада нет. Я с сожалением отмечаю, что практически на всех мероприятиях, где встречаются лица, заявляющие себя сторонниками ювенальной юстиции и ее противниками, разговор ведется не о проблемах, не о том, что ювенальная система — это *система*, а о частностях. Обсуждается совершенствование судебной системы, введение ювенальных судов, работа социальных органов и т. д. Практически все, о чем тут говорилось, я поддерживаю. Мне хотелось бы обратить внимание на те моменты, которые не были затронуты в сегодняшних выступлениях. Термин «ювенальная юстиция», который здесь уже обсуждался и автором которого является О. Зыков, — заведомо односторонний. Ювенальная юстиция — это ведь не система органов, это система правоотношений, куда входит система органов, реализующая механизмы этих правоотношений. Поэтому мы должны думать прежде всего об этом.

Мне бы хотелось сказать о прогнозируемых последствиях введения ювенальной юстиции в России. О многом уже говорилось. Есть серьезные основания утверждать, что эти последствия будут не просто негативными для института семьи и прав ребенка, но и разрушительными для основ жизни человека и основ нашего общества и государства в целом. Это прежде всего связано с такими механизмами, как:

- расширение понятия семьи с включением в это понятие однополых браков, а в состав семьи — всех лиц, осуществляющих заботу о ребенке;
- уравнивание кровных родителей ребенка с любыми иными лицами, осуществляющими попечение о ребенке, и введение понятия юридического родительства вместо кровного родительства;
- применение санкций, вплоть до уголовной ответственности, к кровной матери, которая отказывается отдавать ребенка, рожденного ею в результате искусственного оплодотворения на условиях суррогатного материнства;
- узаконивание приоритета прав ребенка над правами человека вообще и естественным правом родителей на воспитание своих детей;
- регулирование частной внутрисемейной жизни человека со стороны государства; предоставление права вмешиваться в частную жизнь исполнительным органам власти, органам опеки, разнообразным структурам, работающим в области защиты прав ребенка и социальных услуг;
- привитие детям и молодежи ценностных установок и выработка навыков поведения, прежде всего через образовательные программы и программы охраны здоровья, направленных на удовлетворение сексуальных потребностей с целью получения удовольствия и удовлетворения сексуальных потребностей через контакты с однополыми партнерами.

Ряд этих механизмов уже действует в российских регионах.

При прогнозировании последствий введения ювенальной юстиции в России необходимо учитывать процессы глобализации, которые происходят в мире. Они влияют и на тенденции развития международного и, прежде всего, европейского законодательства, касающегося прав семьи и ребенка. Поэтому необходимо отдавать себе отчет в том, что в современной ситуации призывы создать некий самостоятельный, российский («хороший») вариант ювенальной юстиции утопичны. В первую очередь это связано с тем, что Россия имеет различные международные обязательства, в том числе в рамках Европейской социальной хартии, например. Россия состоит в разнообразных международных организациях, таких как ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ. Эти организации разрабатывают программы в области ювенальной юстиции, прав ребенка и настойчиво рекомендуют их к применению. При этом оригинальные российские разработки законопроектов, направленных на защиту детей и улучшение их положения, основанные на российских традиционных ценностях, отсутствуют. Все предлагаемые на сегодняшний день в Российской Федерации законопроекты так или иначе следуют международным рекомендациям в области ювенальной юстиции.

Здесь высказывалось мнение о том, что наш суд может сделаться «нормальным». Приведу в ответ такое наблюдение. Вышло новое постановление Верховного суда РФ, касающееся прав несовершеннолетних при рассмотрении уголовных дел. Так вот, оно уже смягчает максимальное наказание несовершеннолетних и предусматривает ответственность родителей в отношении детей, совершивших преступление. Я посчитала, какие сроки может получить, скажем, террористка, — у меня получилось 6 лет. Поэтому вовлечение несовершеннолетних в банды, их участие террористических операциях — все это нас ждет.

Еще мне хотелось бы довести до сведения собравшихся следующее. Международными правовыми актами, откры-

то предлагающими разрушение нравственности, семейных устоев, являются, к примеру, недавно принятые европейским региональным бюро ВОЗ «Стандарты сексуального образования в Европе». Этими стандартами, в частности, предусматривается, что дети в возрасте от 6 до 9 лет должны получить установку на осознание выбора и возможности сексуального права; детям в возрасте от 9 до 12 лет рекомендуется получить установку сексуальности как процесса познания и положительного отношения к разнообразности сексуальности, сексуальной ориентации; с 12 до 15 лет ребенок должен выработать навык коммуникативных способностей, навык ведения переговоров, чтобы иметь приятный и безопасный секс; ребенок старше 15 лет должен быть способен критически осмыслить разные культурные и религиозные нормы, связанные с беременностью и семьей. Эти рекомендации уже учтены в наших законопроектах. Аналогичный проект рекомендаций по правам и юридическому статусу детей и родительских обязанностей подготовлен кабинетом министров Совета Европы. Россия подписала Европейскую социальную хартию, поэтому должна выполнять рекомендации Совета Европы. У нас есть общественная экспертиза двух названных документов, я их вам передам, чтобы вы могли иметь полную информацию.

И последнее. В российском правовом поле уже имеются правовые нормы, которые частично закрепляют ювенальные понятия и технологии — это и Семейный кодекс, и Основы законодательства об охране здоровья, и другие нормативные акты. Последний документ, который нам предлагается сейчас, — законопроект «Об основах социального обслуживания населения» — принят по итогам большого социального форума Минздравсоцразвития. В нем дается совершенно дикое понятие семьи, которое отсутствует в российском законодательстве, предлагаются механизмы вмешательства в дела семьи.

Мне хотелось бы предложить через какое-то время провести еще какое-то мероприятие, с учетом итогов нашей се-

годняшней беседы, разницы и общности взглядов на возникшую проблему. Возможно, было бы целесообразно сделать большой доклад о положении детей в России. Мы говорим о проблеме, не имея анализа ситуации, в которой мы находимся. Можно было бы привлечь людей, которые сделают такой анализ с точки зрения судебной системы или правоохранительной. Наша организация готова принять в этом самое активное участие и подготовить такой материал.

**Опыт работы комиссии
по делам несовершеннолетних и защите их прав
Ногинского муниципального района
Московской области по внедрению технологий
ювенальной юстиции**

Е.А. Иванов

Во многих приведенных примерах, на мой взгляд, больше коррупционной составляющей и человеческого фактора, с такими фактами должна работать судебная система. На сегодняшнем собрании, видимо, я единственный представляю те органы, которые непосредственно работают с несовершеннолетними. Поэтому хотелось бы рассказать о практической стороне дела.

В Московской области в 2005 г. принято решение на межведомственной комиссии при Правительстве о том, что Московская область является экспериментальной площадкой по внедрению технологии ювенальной юстиции. Я в терминологии не силен, но о том, как это происходит на практике, постараюсь рассказать в нескольких словах. Хорошо это или плохо — судить вам. Учитывая, что на федеральном уровне концепция комиссии по делам несовершеннолетних и защи-

те их прав не была выработана, эта функция была передана регионам, в Московской области в 2005 г. такой закон был принят — «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Московской области». Комиссия у нас в области выступает как бы связующим звеном между системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и судебной системой. Я думаю, что это элемент ювенальной юстиции. Мне кажется, что многим не нравится именно название — было бы другое название, и слава богу. В составе комиссии имеются штатные сотрудники — 1 специалист на 5000 человек детского населения. У нас в Ногинском районе около 40 тысяч детей, сотрудников в отделе — 8 человек. Я, как руководитель этого отдела, организую и обеспечиваю деятельность комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Около 1000 персональных дел проходит через комиссию ежегодно — по правонарушениям и со стороны родителей, и со стороны детей.

Никто сегодня не говорил, что судебный процесс — это ведь уже завершающий этап, но у нас так просто несовершеннолетние в суд не попадают. Те, кто попадает на скамью подсудимых, как правило, давным давно состоят на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, в комиссии, и с ними проводилась и проводится достаточно большая работа. В комиссии мы на себя взяли такую функцию — социальное сопровождение несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом, от момента совершения им правонарушения до суда. Тут говорилось о социальных работниках при судах, но они могут заняться этой работой, только когда дело поступает в суд. Времени на это отводится достаточно мало. А вот с момента совершения правонарушения, пока ведутся следственные действия, до того момента, когда дело попадает в суд, может пройти полгода и больше. Времени вполне достаточно. У нас сейчас примерно 15–20 несовершеннолетних, которые находятся под следствием. Наш специалист вполне успевает проводить свою работу до судебного заседания. По-

сле принятия закона были проведены совместные совещания с Московским областным судом, с Главным следственным управлением по Московской области, и специалист нашей комиссии участвует в следственных действиях как свидетель, опрашивается следователем. Это является большой помощью следствию, в обязанности которого входит изучение условий жизни подростка в семье и причин совершения им правонарушения. Зачастую следователь делает это достаточно формально. Здесь же эти штатные работники при достаточном времени эти вопросы подробно изучают при помощи и психологической службы соответствующей, и в учебных заведениях, где учатся эти подростки. В результате к суду получается достаточно развернутая картина. Кстати говоря, специализация судей у нас имеется, по Московской области, в частности по Ногинскому району два судьи ведут дела в отношении несовершеннолетних. Наверное, обошлись бы и одним, так как их не так много, но один может заболеть или уйти в отпуск. И на каждом судебном процессе присутствует представитель комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Он дает полную характеристику этой семье (у судьи часто не бывает достаточно времени, чтобы это подробно изучить), а также выступает со своими предложениями.

Теперь о последствиях действия этой правовой системы. Здесь говорилось об условном сроке. Да, для подростка это достаточно формальное наказание. Но мы используем через своих сотрудников такую форму, как введение дополнительных обязанностей и запретов. УК их число не ограничивает, их можно вводить достаточно много: например, можно запретить посещать определенные заведения, бывать в общественных местах, обязать продолжить обучение, трудоустроиться. Дальнейший процесс работы с подростком подразумевает отмену условного осуждения в случае невыполнения этих обязанностей. Причем контроль происходит не раз в месяц, а постоянно — трудоустроился он или нет, продолжил он об-

разование или нет. Это то, что касается судебной системы. Что касается щекотливого вопроса об изъятии ребенка, то согласно нашему законодательству эта процедура отнесена к обязанностям органов опеки и попечительства. Но надо сказать, что они, также как и другие органы, входят в состав комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. За последние восемь лет, что я там работаю, у нас был один факт изъятия ребенка в соответствии с Семейным кодексом. А в остальных случаях дети помещались по социальным показаниям в больницу, если у них отсутствовали родители по тем или иным причинам, но даже и в этих случаях перспективы жизнеустройства таких детей обсуждались на нашей комиссии. При такой постановке вопроса говорить о коррупции просто излишне, в нашей комиссии присутствует 15 человек, представители всех служб, общественных организаций, церкви, поэтому это просто нереально.

Хочу закончить следующим. В законодательстве, безусловно, много пробелов. Нам, на местах, работать с существующим законодательством достаточно трудно, поэтому обязательно надо что-то менять, но менять продуманно. А название в данном случае не так важно.

Взрослые и дети: конфликт прав и ответственности

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

В первом десятилетии XXI в. по ряду обстоятельств на одно из первых мест в публичном обсуждении самых злободневных вопросов выдвинулась проблема защиты прав несовершеннолетних и связанная с этим задача создания института ювенальной юстиции. Однако, как мне представляется, при этом упускается крайне важный для принятия последу-

ющих решений вопрос — о четком и однозначном понимании смысла, содержания и объема *прав и ответственности и взрослых, и детей* во всех сферах их взаимодействия и контактов друг с другом.

То, что в настоящее время общество наиболее обеспокоено учащающимися (или становящимися все более известными) фактами насилия над детьми и подростками, вполне объяснимо. Увеличивается в масштабах и изоцируется в формах *насилия над несовершеннолетними*. Еще весной 2008 г. Общественная палата России провела «круглый стол» под названием «Противодействие насилию над детьми: законодательные инициативы и правоприменительная практика», где были, в частности, озвучены ужасающие факты: в 2007 г. было совершено 2,5 тыс. убийств несовершеннолетних; различных преступлений против подростков — 70 тыс., 6 тыс. из них совершили их родители или опекуны. За этот год прокуратура получила 170 тыс. исковых заявлений в отношении родителей, и по поводу лишения 50 тыс. из них родительских прав иски поступили в суды. С 2002 по 2007 гг. рост выявленных преступлений над несовершеннолетними на сексуальной почве превысил 25 раз. Подчеркивалось, что большая часть таких преступлений совершается рецидивистами, и на этом «круглом столе» снова и снова звучали призывы о создании службы надзора за отбывшими наказание по соответствующим статьям уголовного кодекса (по-моему, в Государственной думе этот вопрос поднимался еще 17 лет назад), о пересмотре практики их условно-досрочного освобождения, об ужесточении наказаний и т. п.⁹ В 2009–2011 гг. ситуация в лучшую сторону не изменилась.

⁹ В США любая форма сексуального домогательства по отношению к несовершеннолетним приравнивается к изнасилованию, за что полагается заключение от 20–25 лет до пожизненного. В Великобритании практика наказаний примерно такая же. В 2007 г. в России педофилы могли получить за аналогичное преступление 2–4 года лишения свободы с правом условно-досрочного освобождения, а преступники до 18-летнего возраста были практически неподсудны.

Как ни прискорбно, насилие над детьми в России совершается в обстановке глубокой социальной апатии. Люди еще способны объявить голодовку или перекрыть федеральную трассу, если это затрагивает их личные экономические интересы, но слишком часто не хотят, не способны, боятся, не считают удобным выступить в защиту другого. Напомню, что все так называемые «протестные выступления» 2009 г. были локальными, в каждом городе свои. И не следует удивляться тому, что не было ни одной всероссийской акции возмущения в связи с ростом преступлений против детей. Убитой негодяем собаке поставлен памятник, но, кроме символически жутких шемякинских изваяний в центре Москвы и крестов на могилах погибших, ничто не говорит о трагедии, которая может случиться в каждой семье. Как и в советские времена, люди знают, что происходит в соседской квартире или в соседнем сельском доме, но никому ни до кого нет дела. И это — проблема проблем, поскольку педофилы, интерес к которым в последнее время усердно подогревается СМИ, 15% насилий совершают над незнакомыми детьми, 25% — над детьми соседей или родственников и 60% (!) — над своими собственными. В последнее время в борьбу с преступлениями над несовершеннолетними активно включился недавно назначенный федеральный Уполномоченный по правам ребенка Павел Астахов, и им уже немало сделано для искоренения этого зла.

Виновные в насилии над детьми должны понести справедливое наказание, но преступниками становится все большее число самих детей и подростков. Да, дети — «цветы жизни», но не все «цветы» ее украшают. В среде несовершеннолетних правонарушителей множатся ряды 7–12-летних: их уже успели научить тому, что они — *неподсудны по возрасту*. Любая детская и подростковая преступность вызревает в семье неблагополучной, и никакого значения не имеет, образовалось ли это неблагополучие в семье бедной или богатой, полной или неполной, многодетной или с единственным чадом. Корни этой преступности чаще всего уходят в почву семейного

неблагополучия: алкоголизм родителей, чрезмерное поощрение любых желаний, невнимание к ребенку и отсутствие родительского контроля, постоянные семейные конфликты и, главное, передающиеся детям *извращенные представления об их ответственности*.

Фундаментальной причиной детской жестокости и безрассудной агрессии становится и ежеминутно сокращающееся поле нравственной устойчивости и табуирования зла, фатальное соединение сверхбыстрого взросления с затягивающейся на долгие годы инфантильностью. Большинству детей, не имеющих состоятельных родителей, всем окружающим миром, реальным и виртуальным, с малолетства демонстрируются явно недостижимые для большинства из них цели, демонстрируются вседозволенность в достижении таких целей и якобы единственная составляющая счастья — больше всего дорогого и нового. В обычной (т. е. в небогатой) русской семье самый несмышленный из детей к десяти годам начинает думать, что ничего этого у него не будет и что добыть хотя бы кроху из рекламируемого можно только силой. Многие русские дети в таких семьях начала XXI века растут с изначальным чувством обиды на весь мир, в озлобленности на всех, с привычкой реализовывать эту озлобленность в стае¹⁰.

Участились случаи нападения школьников на учителей, профессия которых стала стократ опасней журналистской. Юные садисты не просто унижают и избивают учителей, но и снимают все это на свои мобильные телефоны. Точно так же снимают и тщательно спровоцированные высказывания учителей в адрес их обидчиков (за грубость по отношению к ребенку учителя накажут). Школьные хулиганы чувствуют

¹⁰ Пресловутая дедовщина в армии начинается не где-нибудь, а в школе; коллективная травля агрессивной группой школьников одного или нескольких соучеников («буллинг», осужденный международным сообществом) известна теперешним взрослым по фильму «Чучело», а закончившим современную школу — по своему опыту.

себя совершенно безнаказанными; директор может в крайнем (!) случае выгнать школьника за серьезный проступок, но это можно сделать только с достигшим 15-летия и после длительной тяжбы. Следует ли удивляться тому, что совсем недавно в одной из школ Екатеринбурга ученик вонзил нож в спину своему учителю? «Российская газета» провела на своем сайте опрос о том, каким должно быть наказание школьным хулиганам. Среди опрошенных 8% считают, что их следует «выгнать», 27% — «отправлять в спецшколы», 38% — «снизить возрастной порог и привлекать к уголовной ответственности», 16% — «штрафовать родителей» и только 7% — «наказывать нельзя, надо воспитывать».

Специальных (коррекционных) школ мало, и они к тому же пустуют: сердобольные судьи, считая такие школы чем-то вроде колоний, жалеют несовершеннолетних. Действительно, судить малолетних и подросткового возраста преступников и преступниц (последних — около 25%) невероятно сложно, и уже поэтому в стране не утихают споры относительно создания института ювенальной юстиции. Еще летом 2009 г. Президиум Совета судей России организовал разработку специальной программы внедрения ювенальных судов, и определенный опыт уже накоплен. Например, в Ростовской области в порядке правового эксперимента было создано полтора десятка модельных ювенальных судов, в которых предусмотрено участие помощников судей с функциями социальных работников. Использование ювенальных судебных технологий позволило сократить преступность несовершеннолетних и рецидивы преступности (по сравнению с районами, где таких технологий нет). Одновременно было показано, что кроме ювенальных судов должны создаваться ювенальные правоохранительные органы и уголовно-исполнительные инспекции.

Но все это — только о наказаниях несовершеннолетних преступников, а ювенальная юстиция преследует, прежде всего, *повышение правоспособности детей, в том чис-*

ле и в отношениях с родителями, и это вызывает наиболее ожесточенные споры. Противники создания ювенальной юстиции говорят не столько о кадровых и материально-финансовых проблемах (во Франции такая юстиция ежегодно обходится примерно в 5 млрд евро), сколько о том, что современный вариант ювенальной юстиции (она существовала в России несколько лет до революции), *противопоставляя «права ребенка» «правам родителей»* и в значительной степени игнорируя последние, способен внести окончательный разлад в еще существующую систему иерархических семейных отношений.

Бесспорно, что дети — главная ценность семьи, страны и человечества, и неудивительно, что Советский Союз, в самые тяжелые времена провозгласивший «все лучшее — детям», без каких-либо оговорок и изъятий ратифицировал Конвенцию ООН о правах ребенка¹¹, а Россия, как правопреемница СССР, до сих пор в официальных заявлениях и в нормативных актах демонстрирует приверженность положениям этого удивительного документа. Отмечу, что практическая реализация Конвенции — дело непростое, поскольку в ней провозглашаются, с одной стороны, *права каждого ребенка* на такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (принимая во внимание *права и обязанности* его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него *ответственность по закону*), и, с другой, *обязанность обеспечивать эти права* возлагается на все государства, присоединившиеся к Конвенции.

В контексте обсуждения вопроса о формировании в России института ювенальной юстиции особо значимым является основанность Конвенции на *убежденности* в том, что

¹¹ Я рекомендую всем, кого интересует обсуждаемая проблема, самым внимательным образом ознакомиться с этой Конвенцией, а также с «Периодическими докладами о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка», официально представляемыми в Комитет по правам ребенка ООН (первый доклад был представлен в 1992 г.).

семье, как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, должны быть предоставлены необходимая защита и содействие», а также на «признании того, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания» (выделено нами — В.Л.). Дети и семья по международным канонам должны были бы восприниматься неразрывно, однако в современном западном мире, да и в России это не так. Хотел бы обратить особое внимание на то обстоятельство, что сама идеология судебных правоотношений детей и родителей окрашена в своеобразные тона презумпции детской невиновности, поскольку, как и многие другие правовые новации, пришла в Россию в современном западном варианте, где само понятие семьи глубоко и необратимо трансформировано (пробные, временные, однополые и тому подобные «браки»). Приведу несколько примеров.

Совсем недавно в США арестовали отца, давшего пощечину явившейся на рассвете 14-летней дочери; она немедленно пожаловалась в полицию (отцу грозит отселение и лишение родительских прав). В Германии детям по аналогичным поводам могут предоставить комнату в юношеском общежитии или даже отдельную квартиру с индивидуальным опекуном. «Настучать» могут и соседи, и случайные свидетели, но в суд на родителей, не только давших подзатыльник, но и, например, принуждавших к уборке собственной комнаты или к занятиям домашними заданиями, иск подадут сами дети и чаще всего — выиграют. Столь трогательная забота о воспитании у детей правовой независимости и самостоятельности парадоксально соединяется с причудами воинствующего феминизма. Например, после многолетнего разбирательства вины 19-летней канадки Кетрин Эфферт (она задушила новорожденного, завернула его труп в полотенце и перекинула через забор к соседям) ей присудили 16 (!) дней заключения — не за убийство ребенка, а за хулиганство (подбросила ненужное

соседям). Вину К. Эфферт последовательно снизили с «убийства второй степени» до «аборта на поздней стадии». Описывающая этот случай А. Федякина («Российская газета», 20.10.2011) задает естественный вопрос: до какого возраста можно оправдывать убийство детей «особыми обстоятельствами» — до 9 месяцев или до 9 лет?

Учитывая современную российскую ситуацию и ее несопоставимость с западной, следует как можно скорее, не дожидаясь разгона маховика ювенальной юстиции, обосновать и закрепить в соответствующем правовом акте *положения не только об ответственности, но и о правах родителей по воспитанию детей и не только о правах, но и об ответственности самих детей за свое поведение в доме, школе и в неформальной обстановке*. Это тем более важно, что такие положения отсутствуют в Семейном и Уголовном кодексах, в федеральных и региональных законах. Не исключено, что институт ювенальной юстиции должен в первую очередь основываться на нормах семейного права — видимо, наиболее вариативного и ситуативного из всех других отраслей права. Ведь даже в тех случаях, когда оно регулирует имущественные отношения (например, родителей и детей), семейное право призвано защищать и личные *неимущественные* права (на блага нематериального содержания, например на заботу о нетрудоспособных родителях) как права *субъективные*, включающие возможность не только самостоятельно действовать (или вести себя соответствующим образом), но и требовать определенного поведения (действия или уклонения от действия) другого лица.

Семейное право современной России, под которым понимают семейное законодательство, начало формироваться в первой половине 1990-х гг.; оно развивалось исключительно динамично, что является как отражением множества постоянных изменений в социально-экономической ситуации, определяющей состояние и проблемы российской семьи, так и стремлением законодателя и органов власти, реализующих

семейную политику, как можно быстрее регламентировать эти изменения. Следует учитывать и то, что семейное право тесно связано практически со всеми другими отраслями права и предметами их регулирования; особенно это проявляется в связях с гражданским правом по причине активного вторжения в семейную среду имущественных отношений.

Произошедшая в России сущностная и множественная трансформация семейных отношений, взглядов на традиционные семейные ценности и мотивации заключения браков и деторождения позволяет без особых «натяжек» считать ее своеобразной семейной революцией¹², а свод законодательных установлений, зафиксировавший победы и последствия этой революции (перефразируя известные слова Ленина о Льве Толстом), ее зеркалом. Таким зеркалом стал основной массив правовых норм, регулирующих семейные отношения, который содержится в Семейном кодексе Российской Федерации, принятом 25 декабря 1995 г. (федеральный закон 223-ФЗ) и с тех пор неоднократно корректировавшемся¹³. Это развернутый (170 статей) нормативно-правовой акт одновременно императивного и диспозитивного (т. е. предоставляющего участникам семейных правоотношений право выбора, например заключать или нет брачный договор) характера. Семейный кодекс фиксирует и основные принципы семейного законодательства, подчеркивая (в начале и единственный раз), что это законодательство «исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами

¹² Более подробно об этом см.: Лексин В.Н. Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи. Опыт системной диагностики. М., 2011. 253 с. и др. публикации автора по соответствующей тематике.

¹³ Далее комментируется текст Семейного кодекса РФ по состоянию на 10 июня 2009 г.

семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав. Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи». Далее упоминания о «взаимной любви» сменяются четко сформулированными *правовыми* положениями, регламентирующими семейные отношения, проистекающие из официальной регистрации брака как их первичного условия¹⁴.

Семейный кодекс в 15 статьях регламентирует права и обязанности супругов (не детей!), но это (в полном соответствии с духом времени) в основном *имущественные* права и обязанности. *Личные* права и обязанности супругов сведены к утверждению их равенства в семье и к праву выбора супругами фамилии. Искать в нашем Семейном кодексе *нормы поведения родителей и детей* (от распределения домашней работы до ответственности за поведение и допустимых пределов воспитательных наказаний) бессмысленно.

На региональном уровне известны относительно результативные попытки ввести рассматриваемую ситуацию хоть в какое-то правовое русло, и примером этого может служить принятый три года назад и неоднократно осмеянный закон «О мерах по профилактике беспризорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае». Как и во всей России, на Кубани не уменьшается тяжесть совершаемых детьми и подростками преступлений, в отдельных районах число рецидивов достигает 70% и т. д. Тем не менее в результате введения закона «о комендантском часе» число задержаний детей и подростков в вечерне-ночное время

¹⁴ В России большинство обязательств государства по отношению к семье относятся к браку, заключенному в органах ЗАГС.

сократилось вдвое, на 30% снизился общий уровень преступности несовершеннолетних, на 25% — число совершенных ими краж, на треть — грабежей и разбоев. Никто не считает ограничением прав детей запреты на курение в школе и на продажу несовершеннолетним алкогольных напитков и т. п. Уверен, что есть масса правообеспеченных возможностей ограничить функции ювенальной юстиции судопроизводством, связанным с попадающими под действие уголовного и административного законодательства преступлениями несовершеннолетних и с преступлениями, совершенными против них, при условии четко прописанных в законе прав учителей и родителей на обеспечение воспитательных функций.

С.С. Сулакшин

Прежде чем подытожить нашу дискуссию, позволю себе короткую, но важную реплику. Принцип «разрешено все, что не запрещено» стране навязан. Это принцип построения выработанной на Западе правовой и поведенческой цивилизационной матрицы. Там запрещается зло. Российская, русская цивилизация опирается на другую, православную традицию, на которой может быть выстроена и национальная правовая система. В ее основе не только «зло запрещается», но и «к добру призывается». Добро становится императивом поведения, построения критериев, построения национальной правовой системы. Почему я так уверенно заявляю, что это принципиальное, основополагающее, *иное* основание для строительства национальной системы? Потому что нам удалось построить проект новой Конституции, базисом которой является декларация высших ценностей страны, обусловленных традицией и являющихся цивилизационными ключами успешности сложной социальной системы. Сначала они номинируются как правовые понятия. Затем выработанная нами управленческая методология выстраивает всю систему жизнеустройства страны: государственное управление и власть, построение государства как института, построение экономической, политической, гуманитарной, социальной сфер и др.

Мы ко многому привыкли за 20 лет и иногда не ощущаем, что нам навязаны лукавые, уводящие в сторону парадигмы. Стоит их переосмысливать и находить альтернативные. Мне кажется, что сегодня мы этим немножко занимались.

Итак, о чем шла у нас сегодня речь, у всех без исключения? О некотором проблемном поле — поле государственного управления, активизации общества, — которое именуется «национальная система защиты прав и интересов несовершеннолетних» (рис. 1).

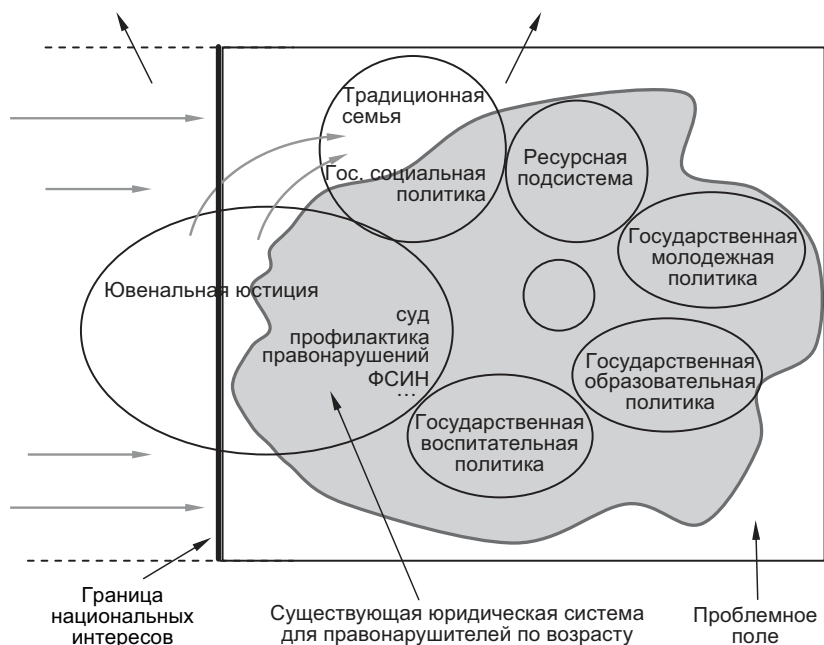

Рис. 1. Проблемное поле национальной системы защиты прав несовершеннолетних

Нормативно-правовые регуляционные и организационные механизмы, обычаи и практический опыт — все это своего рода «одеяло» (заштрихованная область на рисунке), которое покрывает проблемное поле, решает или, как минимум, стремится в лице государства, общественных объединений, каждого человека, семьянина найти решения обсуждаемой проблемы.

Жизнь не идеальна, поэтому это «одеяло» покрывает только часть проблемного поля. Но кто же против того, чтобы это «одеяло» расширять и покрывать те проблемные зоны, которые еще существуют и не охватываются государственно-управленческими решениями? Представляется, что все за это (мы не говорим сейчас о каких-либо деструктивных силах,

преследующих цели, отличные от национальных интересов России).

Это «одеяло» накрывает множество сфер и подсистем государственного управления. Здесь есть ресурсная подсистема. Без нее в контексте ювенальной юстиции не решить, например, проблему обеспечения жильем детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Поскольку на это необходимы ресурсы. Это забота государства, конечно. С одной стороны, она касается проблем экономики, бюджетирования, но с другой стороны — находится в этом проблемном поле.

Кроме того, в этом проблемном поле не может не быть, как отмечалось, государственной молодежной, образовательной, воспитательной политики. Не может не быть номинации ценностей или государственной идеологии, потому что как личность без разума, без ценностного ориентира для целеполагания и поведенческой мотивации, так и народ и страна без этого существовать не могут. Сейчас России навязана жизнь без государственной, общенациональной идеологии — жизнь без смыслов, без ценностей, пронизывающих и правовую систему, и государственно-управленческие порядки, но такая страна нежизнеспособна.

В этом проблемном поле есть и ювенальная юстиция, т. е. специализированная правовая система. В нее входят судебная система и система профилактики. Это процессуально-организационная и правовая часть этого «одеяла». Конечно, необходимо и в этом секторе начать растягивать «одеяло» на проблемные лакуны. Сегодня это происходит в виде эксперимента, фрагментарно, без четкой концепции.

Вместе с тем очевидно, что существует граница национальных интересов страны — проблемного поля в этой постановке вопроса, а за этой границей — еще одно проблемное поле, но проблемное поле геополитических противников России. Сегодня практически все допускают возможность того, что со страной с помощью несилowych средств, ин-

формационными, манипулятивными методами, методами выстраивания механизмов пятой колонны ведется борьба. Существует много фактов, а еще больше косвенных обстоятельств, которые позволяют это предполагать¹.

Ювенальная юстиция в том обозначении, которое характеризует инновационные привнесения, в том числе основанные на грантах, в том числе переведенные с норвежского, швейцарского или иного языка на наш русский, в этом смысле уязвима. Это источник тех тревог, которые звучат и звучат обосновано. Можно ли сегодня видеть, что эти инновационные попытки, с одной стороны, осуществляются с благой целью — закрыть лауну? Конечно, можно. Бесспорно, нужно совершенствовать имеющиеся институты, нужно анализировать положительный опыт, адаптировать его к нашим условиям. Но ведь ясно, что если это делать неумно, непатриотично, ради получения грантов заглушая свою совесть, то возникают, в метафорическом смысле, некие ядовитые стрелы.

Они поражают уже существующие институты, призванные решать эти проблемы. Семья, традиционные отношения родителей и детей, вся традиция семейной педагогики также поражаются этими стрелами. Это достаточно очевидно.

Ведь по сути ювенальная юстиция — это ответ Запада на вызов о защите прав ребенка, Россия исторически давала собственный ответ на все ключевые проблемы жизнеустройства. А если и перенимала какие-то элементы или институты, то только с адаптацией к собственным реалиям. Слепой перенос на российскую почву западных общественных и государственных институтов, без их адаптации, ведет к самым деструктивным последствиям. Мы видим это очень хорошо в последние двадцать лет — на примере системы здравоохранения, армии, промышленности, особенно ярко на примере системы образования. Поэтому внедрение ювенальной юстиции западного образца само по себе может вызвать не-

¹ См.: Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009.

гативные последствия на российской почве, даже если бы это была идеальная система. А идеальна ли она? Как она функционирует в самих западных странах, с которых нам предлагается брать пример? Все ли там с ней хорошо? Все ли гладко? Какие есть проблемы, угрозы, риски? Это также составляет особый предмет анализа.

Угрозы надо увидеть и нейтрализовать. Некоторые такого рода «стрелы» весьма серьезны и имеют совершенно деструктивные задачи. В 1993 г. Правительство РФ уже принимало программу «Дети России». За гуманистическим названием тогда скрывалась программа «планирования семьи», направленная на сокращение численности населения России. То есть российское государство официально реализовывало и финансировало стратегию сокращения рождаемости своего населения, о чем уже упоминалось во вступлении. (Госдума лишила эту программу бюджетного финансирования только в 1998 г.).

Что это было, если не диверсия против России? Также и в общественной дискуссии по поводу целесообразности внедрения в нашей стране ювенальной юстиции присутствует деструктивный элемент, который требует объективного, взвешенного, скрупулезного анализа.

Здесь я перехожу ко второй важной, на мой взгляд, методологической части. Она связана с самим устройством социальных систем. Большая социальная система настолько сложна, что максимумы при ее обустройстве никогда оптимальными быть не могут. В обобщенном виде это маленький экскурс в теорию и методологию успешности государственного управления или успешности развития сложных социальных систем. Эта теория в методологическом аспекте перекликается с биологической теорией создания, выживания и эволюции видов.

Обобщенная успешность чего-либо, в нашем случае решения проблем защиты несовершеннолетних, включает множество факторов: различные управленческие решения, нормативно-правовые акты, организационно-распоряди-

тельные факторы, иногда количественные, например величину расходов на определенную статью расходов в государственном бюджете, и т. д.

Успех в каждой подсистеме имеет унимодальную, экстремальную форму (рис. 2).

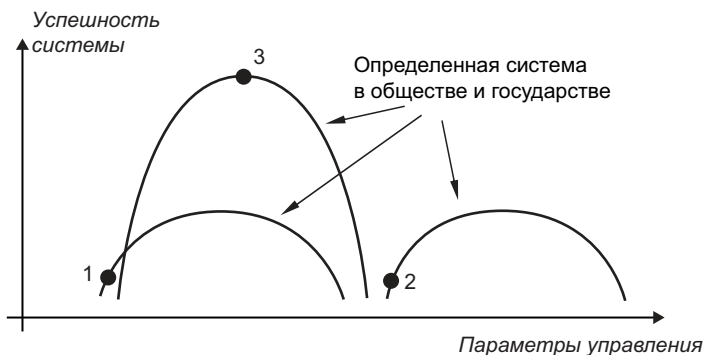

Рис. 2. Форма успешности сложных социальных систем

Можно принять крайнее решение: взять и выбросить все, что мы под ювенальной юстицией сейчас понимаем — оно будет в точке 1. Другое крайнее решение — радикально привнести сюда все диверсионные закладки, по доброй ли воле, либо по недоумию перенять какой-то опыт, который на самом деле России не подходит — это будет решение в точке 2.

Однако задача поиска оптимума успешности государственного управления состоит в стремлении попасть в точку 3. Поэтому, рассуждая о совершенствовании системы, необходимо учитывать множество деталей: процедурных, нормативно-правовых, критериальных, страхующих, компенсаторных и нейтрализующих механизмов, которые в случае угрозы хотя бы снижают вредное воздействие. Это и есть совершенствование сложной системы. И совершенствовать национальную систему правосудия в отношении несовершеннолетних и систему защиты их прав, конечно, необходимо.

Но вызов заключается в однопорядковости систем одного типа. Последние двадцать лет нам говорят, что для совершенствования какой-либо сферы государственной и общественной жизни нужно освободиться, сломать свою «неудачную» систему и взять систему другого типа, например «одолжить» на Западе. И двадцать лет мы ломаем свое и «одалживаем» чужое. Здесь даже не всегда надо искать злой умысел. Иногда нам с добрыми намерениями что-то советуют, не все на Западе шпионы и диверсанты.

Но к чему это зачастую приводит? В экономике, например, это все прекрасно видят — это конкуренция вместо кооперации, снижение государственных расходов вместо государственных фондов общественного потребления. Это общая экономическая деградация.

Что касается сферы правосудия в отношении несовершеннолетних и системы их защиты, находясь в точке 1, очевидно, нет никакого смысла ломать свою систему, заимствовать чужую, если в результате оказаться можно только в точке 2. Если уж и брать чью-то систему, то попадая из этой точки 2 в точку 3, т. е. максимизируя успешность сложной социальной системы.

Можно ли сейчас утверждать, что перенос ювенальной юстиции вот в таком радикальном виде, как она выглядит в неудачных опытах Запада, позволит нам коренным образом улучшить дела в этой сфере? Очевидно, нет, это вытекает из нашего обсуждения.

На этом хочу поблагодарить всех вас за сегодняшнюю очень содержательную дискуссию, которая позволяет разобраться в позитивных мотивациях, в заблуждениях и в этих ядовитых стрелах. Нужно находить общий язык, нужно соединять разные отрасли знания, нужно выдвигать конструктивные и профессионально сформулированные предложения вместо бесконечной констатации, что плохо, что не так, кто шпион и что он против нас замыслил. Представляется, что сегодняшний разговор в этом отношении был очень плодотворным.

Участники круглого стола

Автономов Алексей Станиславович, доктор юридических наук, профессор, Институт государства и права РАН

Гаврилова Ирина Николаевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Деева Марина Валерьевна, руководитель исследовательских проектов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития РФ

Зубенко Владимир Михайлович, консультант правового отдела Управления по правам человека в РФ

Иванов Евгений Алексеевич, Администрация Ногинского муниципального района, заместитель председателя комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав

Коган Зиновий Львович, председатель Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России

Лексин Владимир Николаевич, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

Мирсагатова Маргарита Николаевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Семьи и воспитания РАО

Павлова Лариса Октябристовна, член правления НП «В защиту семьи, детства, личности и охраны здоровья «Родительский комитет», адвокат МГКА

Понкин Игорь Владиславович, доктор юридических наук, член Общественного совета при МВД России, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сулакшин Степан Степанович, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Тимошина Елена Михайловна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России

Титушкин Андрей Николаевич, Синодальный отдел по взаимоотношениям церкви и общества

Хайлова Вергина Альгердас, старший научный сотрудник Психологического института РАО, руководитель общественной приемной правозащитного движения «Спротивление»

Хвыля-Олинтер Андрей Игоревич, кандидат юридических наук, священник, заместитель руководителя сектора «МВД и учебные заведения» отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, руководитель сектора «Антисектантская работа и духовная безопасность» миссионерского отдела Московского Патриархата, академик Всемирной академии наук комплексной безопасности, доцент социально-теологического факультета БелГУ, член Общественной палаты Белгородской области, член Экспертного совета при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Белгородской области

Хомяков Владимир Евгеньевич, сопредседатель Межрегионального общественного движения «Народный Собор»

Шевченко Юрий Степанович, доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой детской и подростковой психиатрии, психотерапии и медицинской психологии Российской медицинской академии последипломного образования

Шишова Татьяна Львовна, член правления Российского детского фонда, член Союза писателей России

Научное издание

О проблемах ювенальной юстиции

Материалы круглого стола

Редактор *Ю.В. Гуськова*
Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Художественное оформление *С.Г. Абелин*
Компьютерная верстка *О.П. Максимова*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

Сдано в набор 15.12.2011 г.
Подписано в печать 23.12.2011 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 700 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru